Тебеньков
„Древней-
шие сно-
шения
Руси"

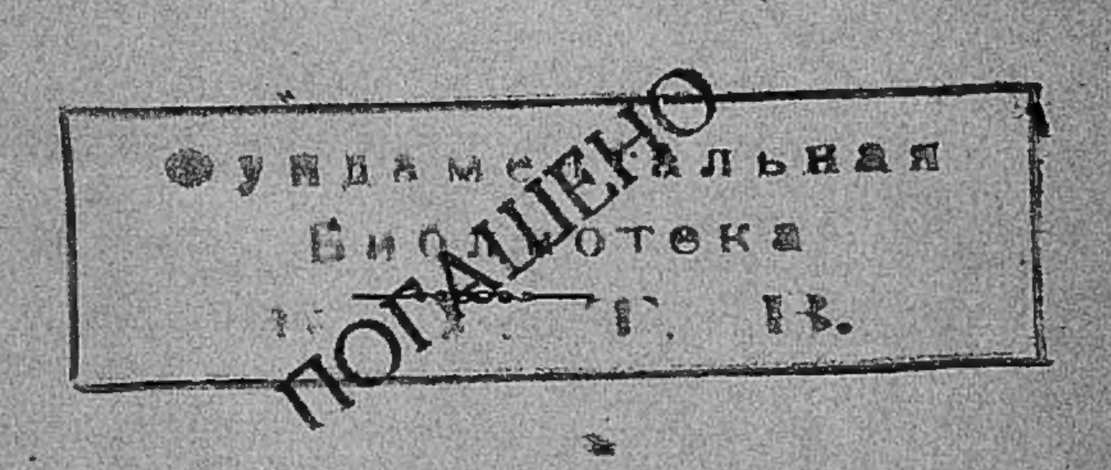
Тифлис 1896

М. Тебеньковъ.

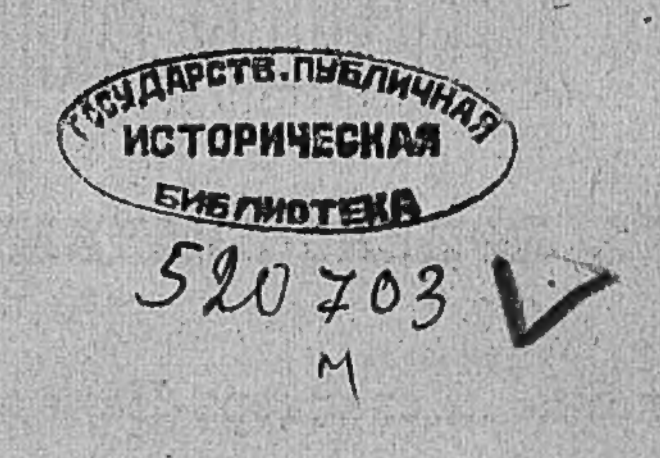
ДРЕВНѢЙШІЯ СНОШЕНІЯ РУСИ

СЪ ПРИКАСПІЙСКИМИ СТРАНАМИ

и поэма „Искандеръ-Наме"-Низами, какъ источникъ для характеристики этихъ сношеній.

Тифлисъ.
Типографія канцел. Главнонач. гражд. ч. на Кавказѣ, Лорисъ-Меликовская улица, д. казенный.
1896.

Дозвол. цензурою. Тифлисъ, 23 февр. 1896 г.

О древнѣйшихъ сношеніяхъ Руси со странами, прилегающими къ бассейну Каспійскаго моря, наша отечественная лѣтопись никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній намъ не сообщаетъ. Въ ней мы находимъ лишь ясный намекъ на то, что великій восточный водный путь въ Азію по Волгѣ и Каспійскому морю былъ хорошо извѣстенъ древнимъ русамъ *), но и только; никакихъ частныхъ случаевъ и обстоятельствъ, сопряженныхъ со слѣдованіемъ кого-быто ни было по этому пути, лѣтопись не приводитъ. Не имѣли-ли наши лѣтописцы точныхъ свѣдѣній по данному вопросу, или признавали они эти свѣдѣнія недостаточно важными для вне-

*) Въ лѣтописи говорится: „Потече Волга на востокъ и втечетъ семьюдесятъ жерелъ въ Хвалисьское (Каспійское) море. Тѣмже и изъ Руси можеть ити по Волгѣ въ Болгары и въ Хвалисы на и востокъ дойти въ жребій Симовъ“ (Азія).

ми, и поэма персидскаго поэта Низами— «Искандеръ-Наме».

Знаменитый персидскій поэтъ Низами изъ Генжри (полное его имя Абу-Магомедъ-бенъ-Юсуфъ-Шейхъ-Низамъ-Эдинъ, по прозвищу Моатанази) жилъ и писалъ во второй половинѣ 12-го вѣка. Въ числѣ главныхъ его пяти большихъ сочиненій (Пенджъ-Кенджъ) находится поэма объ Александрѣ— «Искандеръ-Наме». Въ этомъ произведеніи, воспѣвая подвиги популярнѣйшаго на Востокѣ героя древности, Александра Македонскаго, поэтъ выставляетъ между прочими грозными врагами знаменитаго полководца,—врагами, съ которыми ему пришлось вести ожесточенную борьбу,—русовъ. По фабулѣ поэмы, вождь абхазовъ Дували, страну котораго опустошили русы, разграбившіе, между прочимъ, цвѣтущій городъ Бердаа, обращается за помощью къ Александру. Герой внимаетъ его просьбѣ, идетъ самъ лично съ войскомъ противу страшныхъ враговъ и разбиваетъ ихъ. Содержаніе поэмы такимъ образомъ довольно просто и незамысловато, но главный интересъ ея въ томъ, что въ ней попадается много подробностей и описаній, въ историческомъ отношеніи весьма цѣнныхъ. Сопоставленіе имени русовъ съ именемъ

Александра Македонскаго есть, конечно, грубѣйшій анахронизмъ, но наличность таковаго не исключаетъ, тѣмъ не менѣе, историческаго интереса поэмы, такъ какъ самый фактъ разграбленія русами города Бердаа есть фактъ, безспорно, историческій. Событіе это произошло въ 10-мъ вѣкѣ и занесено въ хроники прикаспійскихъ народовъ. Такимъ образомъ, очевидно, что поэтъ руководствовался при многихъ описаніяхъ не исключительно полетомъ своей фантазіи, но также и свѣдѣніями положительными. Почерпать эти положительныя свѣдѣнія онъ, конечно, могъ и изъ научныхъ сочиненій и изъ устныхъ народныхъ преданій, и притомъ и тѣхъ и другихъ до насъ, быть-можетъ, въ другихъ источникахъ и не дошедшихъ. Конечно, есть много основаній предполагать, что поэтъ, описывая событіе, случившееся за два вѣка до его рожденія,—пріурочивалъ къ нему многія бытовыя черты эпохи ему современной, но и въ этомъ случаѣ интересъ поэмы все-таки не пропадаетъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ отсутствіе такихъ анахронизмовъ можетъ быть доказано достаточно ясно, что-же касается тѣхъ мѣстъ, гдѣ они возможны и вѣроятны, то интересъ описаній сводится лишь къ эпохѣ позднѣйшей, также весьма интересной.

Такимъ образомъ, критическое разсмотрѣніе свѣдѣній, сообщаемыхъ поэмой Низами, можетъ насъ привести къ слѣдующимъ интереснымъ въ историческомъ отношеніи результатамъ: 1) можетъ дополнить исторію событія—похода на Бердаа—какими-нибудь новыми, не дошедшими до насъ въ другихъ источникахъ подробностями; 2) обогатить наши свѣдѣнія о древнемъ бытѣ и обычаяхъ русовъ—10-го—12-го столѣтій, а также и о характерѣ ихъ сношеній въ ту-же эпоху съ прикаспійскими народами.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разбору свѣдѣній, сообщаемыхъ поэмой, необходимо, хотя вкратцѣ, прослѣдить, на основаніи источниковъ, за всѣмъ ходомъ развитія сношеній между древними русами и прикаспійскими народами со времени самаго возникновенія этихъ сношеній.

—

Впервые имя русовъ упоминается у восточныхъ писателей подъ годомъ 644-мъ, а именно у арабскаго историка *Атъ-Табари* (писалъ около 914 года). Въ его книгѣ «Исторія царей» сказано:

«Абдурахманъ сказалъ (въ 644 году) слѣдующее: Я нахожусь между двумя врагами: одинъ хазары, а другой—русы,

которые суть враги всему міру, въ особенности-же арабамъ».

Этотъ источникъ учеными, кромѣ нѣкоторыхъ, желающихъ во что-бы-то ни стало доказать германское происхожденіе народа «русь», признается за вполнѣ достовѣрный и выставляется, между прочимъ, какъ одно изъ главныхъ доказательствъ существованія русовъ близъ земли хазаръ и Чернаго моря въ 7-мъ столѣтіи. Сторонники-же германской теоріи видятъ тутъ вліяніе на воображеніе автора имени народа ему современнаго, грознаго своимъ врагамъ со временъ Аскольда и Дира, и предполагаютъ, что авторъ допустилъ грубый анахронизмъ.

Но если даже и признать, что имени народа русовъ въ 7-мъ вѣкѣ еще не существовало,—во всякомъ случаѣ, уже въ 8-мъ вѣкѣ арабы, а черезъ нихъ и подвластные имъ жители Кавказа и странъ прикаспійскихъ, со славянами, обитавшими въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, должны были быть знакомы довольно близко. Въ данномъ случаѣ важно, конечно, прежде всего племенное опредѣленіе народности, а не имя ея, которое могло съ теченіемъ времени и измѣниться, а съ этой точки зрѣнія фактъ этотъ сомнѣнія не возбуждаетъ.

Въ «Книгѣ о завоеваніи странъ»

арабскаго историка *Аль-Баладури* (писалъ въ 60-хъ годахъ 9-го вѣка) говорится:

«Затѣмъ сдѣлался правителемъ границы Марванъ-Ибнъ-Мухамедъ, который отправился въ Кисаль; онъ-же построилъ главный городъ ея, который отстоитъ отъ Бардаи на 40 фарсанговъ, а отъ Тифлиса на 20 фарсанговъ. Затѣмъ онъ вступилъ въ землю хазаръ... съ нимъ были также цари горъ изъ окрестностей Бабъ-Аль-Абваба. И Марванъ сдѣлалъ набѣгъ на славянъ, жившихъ въ землѣ хазаръ, взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 20,000 осѣдлыхъ людей (или семействъ) и поселилъ ихъ въ Кахитѣ. Впослѣдствіи-же, когда они умертвили своего начальника и бѣжали, онъ (Марванъ) настигъ и перебилъ ихъ».

Упоминаемый въ этомъ извѣстіи Марванъ былъ дядей калифа, а въ 743 году самъ вступилъ на калифскій престолъ. Первоначальныя его дѣйствія касаются Закавказья, такъ какъ и древній городъ Бердаа и Тифлисъ—оба лежали на р. Курѣ. Въ походѣ на хазаръ—къ устью Волги—съ нимъ участвовали и цари горъ, т. е. горскихъ племенъ Кавказа, а между ними, вѣроятно, и грузины, такъ какъ поселеніе плѣнныхъ славянъ производится въ Кахитѣ—Кахетіи. Нѣтъ сомнѣнія, что

плѣненные славяне были изъ племенъ южно-русскихъ—сосѣдей приволжскихъ хазаръ. Весьма вѣроятно, что они были союзниками хазаръ или служили въ хазарскомъ войскѣ въ качествѣ наемниковъ.

О томъ-же походѣ Марвана упоминаетъ и раньше цитированный историкъ *Атъ-Табари*. Въ томъ-же сочиненіи своемъ «Исторія царей» онъ говоритъ: «Марванъ съ войскомъ слѣдовалъ до города Самандара, гдѣ живетъ хаканъ (царь) хазарскій. Хаканъ бѣжалъ, и Марванъ отправился дальше, оставивъ городъ за собою, расположился лагеремъ при славянской рѣкѣ, напалъ на жилища невѣрныхъ, убилъ ихъ всѣхъ и разрушилъ 20,000 домовъ».

Это извѣстіе, очевидно, касается тогоже похода, который описанъ и у Аль-Баладури. Упоминаніе о славянской рѣкѣ (такъ часто называли арабы Волгу) даетъ основаніе думать, что подъ названіемъ «невѣрныхъ», живущихъ близъ этой рѣки, авторъ разумѣетъ именно славянъ. О плѣненіи 20,000 и о переселеніи ихъ въ Кахетію не говорится ни слова, но это можно объяснить тѣмъ, что весь разсказъ вообще болѣе кратокъ. Тѣмъ не менѣе, онъ факта плѣненія не опровергаетъ, а цифра 20,000 —одинакова въ обоихъ источникахъ.

Оріенталисты Сенъ-Мартенъ, Доссонъ и Броссе всѣ трое считаютъ извѣстіе Аль-Баладури о славянахъ вполнѣ историческимъ.

Такимъ образомъ, близкое знакомство закавказскихъ и прикаспійскихъ народностей съ русскими славянами можно считать возникшимъ не позднѣе 7-го или начала 8-го вѣка. Нѣкоторые намеки на вторженія тѣхъ-же славянъ въ Закавказье въ вѣка болѣе отдаленные, въ качествѣ союзниковъ другихъ народовъ: гунновъ, аваръ, хазаръ и т. п., находимъ мы у нѣкоторыхъ историковъ и болѣе древнихъ, но намеки эти крайне туманны и неопредѣленны, а потому и основывать на нихъ какія-бы то ни было заключенія—трудно; начиная-же съ этихъ поръ, международныя сношенія устанавливаются совершенно безспорно, и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлаются короче и ближе.

Такъ, мы имѣемъ далѣе свѣдѣнія о возникновеніи около середины 9-го вѣка уже болѣе постоянныхъ сношеній на почвѣ торговли. Арабскій писатель *Абулъ-Касумъ*, прозванный *Ибнъ-Хордадбе*, въ своемъ сочиненіи «Книга путей и государствъ», написанномъ въ 60-хъ—70-хъ годахъ 9-го вѣка *), сообщаетъ:

*) Оріенталистъ проф. Хвольсонъ на VIII

«Купцы русскіе ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ славянской (Волгѣ), проходятъ по заливу хазарской столицы, гдѣ владѣтель беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (южная часть Каспійскаго) и выходятъ на любой имъ берегъ. Иногда-же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ».

О появленіяхъ нѣсколькихъ русскихъ кораблей на Каспійскомъ морѣ въ концѣ 9-го вѣка и въ самомъ началѣ 10-го (подъ годомъ 909) упоминаетъ также другой арабскій писатель (13-го вѣка) *Мухамедъ—сынъ Хассина.*

Такимъ образомъ, въ теченіе 9-го вѣка и начала 10-го прибрежные жители Каспія могли близко ознакомиться съ типичными свойствами и особенностями русскаго народа на почвѣ сношеній мирныхъ, торговыхъ. Но прошло еще немного времени, и имъ пришлось столкнуться съ тѣмъ-же народомъ на почвѣ вражды и брани.

Первый констатированный исторіей походъ русовъ на Каспій состоялся въ 912 году и ознаменовался

археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1890 г. доложилъ о вновь открытой редакціи того-же сочиненія—847 года. Серьезныхъ возраженій на этотъ докладъ по сіе время, насколько намъ извѣстно, не появилось.

для прибрежныхъ жителей великими бѣдствіями. Подробности о немъ мы узнаемъ изъ сочиненія арабскаго писателя *Аль-Масуди*, жившаго и писавшаго въ первой половинѣ 10-го вѣка, слѣдовательно, современника, а можетъ быть, и очевидца событія. Вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ походѣ:

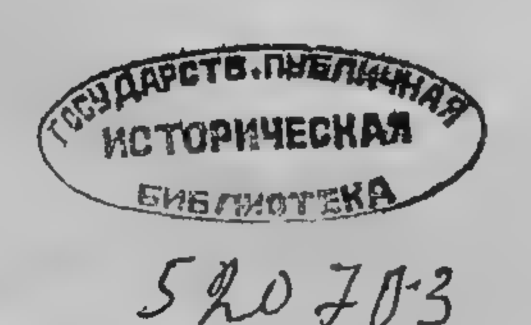
«Послѣ 300 года Гиджры (912—913 года по Р. Х.) случилось, что около 500 кораблей, изъ коихъ на каждомъ было сто человѣкъ (изъ русовъ), вошли въ рукавъ Найтаса (Чернаго моря), соединяющійся съ хазарскою рѣкою (Волгой). Здѣсь-же хазарскимъ царемъ поставлены въ большомъ количествѣ люди, которые удерживаютъ приходящихъ этимъ моремъ, также приходящихъ сухимъ путемъ съ той стороны, гдѣ полоса хазарскаго моря соединяется съ моремъ Найтасъ (Чернымъ). Это дѣлается потому, что туркскіе кочевники гуэзы приходятъ въ этотъ край и зимуютъ здѣсь; часто-же замерзаетъ вода, соединяющая рѣку хазарскую съ рукавомъ Найтаса, и гуэзы переправляются по ней со своими конями, ибо вода эта велика и не ломается подъ ними по причинѣ сильнаго замерзанія, и переходятъ въ страну хазаръ. Иногда выступаетъ имъ навстрѣчу хазарскій царь, когда поставленные имъ люди слишкомъ

слабы, чтобъ удержать гуэзовъ, препятствовать имъ въ переправѣ по замерзшей водѣ и удалять ихъ отъ его государства. Что-же касается лѣта, то турки не имѣютъ тогда дороги для переправы по ней.

«Послѣ того, какъ русскія суда прибыли къ хазарскимъ людямъ, поставленнымъ при устьѣ рукава, они (русы) послали къ хазарскому царю просить о томъ, чтобъ они могли перейти въ его страну, въ его рѣку и вступить въ хазарское море, которое есть также море Джурджана, Табаристана и другихъ персидскихъ странъ, какъ мы уже упомянули,—подъ условіемъ, что они дадутъ ему половину изъ всего, что награбятъ у народовъ, живущихъ по этому морю. Онъ-же (царь) согласился на это. Посему они вступили въ рукавъ, достигли устья рѣки (Дона) и стали подыматься по этой водяной полосѣ, пока не достигли рѣки хазарской, вышли по ней въ городъ Итиль, прошли его и достигли устья рѣки и впаденія ея въ хазарское море. Отъ впаденія-же рѣки до города Итиль это большая рѣка и многоводная. И русскія суда распространились по этому морю; толпы ихъ бросились на Джиль (Гилань), Дайлемъ, на города Табаристана, на Абаскунъ (прибрежный го-

родъ), который находится на джурджанскомъ берегу, на нефтяную страну и по направленію къ Адарбайджану, ибо отъ области Ардабиля въ странѣ Адарбайджана до этого моря разстояніе около трехъ дней пути. И русы проливали кровь, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили имущество, распускали всадниковъ (для нападенія) и жгли. Народы, обитавшіе около этого моря, съ ужасомъ возопили, ибо еще не случалось съ древнѣйшаго времени, чтобы врагъ ударялъ на нихъ здѣсь, а прибывали сюда только суда купцовъ и рыболововъ. Русы же воевали съ Джилемъ, Дайлемомъ и съ военачальникомъ у Ибнъ-Абисъ-Саджа и достигли до нефтяного берега въ области Ширвана, извѣстнаго подъ названіемъ Баку. При возвращеніи своемъ изъ прибрежныхъ странъ русы поворотили на острова близкіе къ Нафтѣ, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ нея. Царемъ Ширвана былъ тогда Али-Ибнъ-Аль-Гайтанъ. И жители вооружились, сѣли на корабли и купеческія суда и отправились къ этимъ островамъ; но русы устремились на-нихъ, и тысячи мусульманъ были умерщвлены и потоплены. Многіе мѣсяцы оставались русы на этомъ морѣ въ такомъ положеніи; никто изъ тамошнихъ на-

родовъ не имѣлъ возможности подступать къ нимъ на этомъ морѣ, а всѣ они укрѣплялись и были на-стражѣ отъ нихъ, ибо море это обитаемо вокругъ народами. Послѣ того, какъ они награбили, и имъ надоѣла эта жизнь, отправились они къ устью хазарской рѣки и истеченію ея, послали къ царю хазарскому и понесли ему деньги и добычу по ихъ уговору. Царь-же хазарскій не имѣетъ судовъ, и его люди непривычны къ нимъ; въ противномъ случаѣ мусульмане были-бы въ великой опасности съ его стороны. Ларсіяже и другіе мусульмане изъ страны хазаръ узнали объ этомъ дѣлѣ и сказали хазарскому царю: «Позволь намъ отомстить, ибо этотъ народъ нападалъ на страну нашихъ братьевъ-мусульманъ, проливалъ ихъ кровь и плѣнилъ ихъ женъ и дѣтей». Не могши имъ препятствовать, царь послалъ къ русамъ и извѣстилъ ихъ, что мусульмане намѣреваются воевать съ ними. Мусульмане-же собрались и вышли искать ихъ при входѣ въ Итиль по водѣ. Когдаже увидѣли они другъ-друга, русы вышли изъ своихъ судовъ. Мусульманъ было около 15,000 съ конями и вооруженіемъ; съ ними были также многіе изъ христіанъ, жившихъ въ Итилѣ. Три дня продолжалось между ними сраже-

ніе; Богъ помогъ мусульманамъ противъ русовъ, и мечъ истребилъ ихъ; кто былъ убитъ, а кто—утопленъ. Около же 5,000 изъ нихъ спаслись и отправились на судахъ въ страну, примыкающую къ странѣ Буртасъ, гдѣ они оставили свои суда и стали на сушѣ; но изъ нихъ кто былъ убитъ жителями Буртаса, а кто попался къ мусульманамъ въ странѣ бургаръ, и тѣ убили ихъ. Сосчитанныхъ мертвецовъ изъ убитыхъ мусульманами на берегу хазарской рѣки было около 30,000. Съ того года русы не возобновили болѣе того, что мы описали».

Судя по этимъ подробностямъ разсказа, можно думать, что этотъ походъ русовъ и произведенные ими разгромъ и опустошенія въ побережныхъ каспійскихъ странахъ произвели впечатлѣніе бѣдствія выдающагося. Доселѣ знакомые съ русами какъ съ мирными купцами, привозящими свои товары изъ отдаленной родины, прикаспійскіе жители впервые узнали, на что способенъ этотъ отдаленный сѣверный народъ, выступая на поле брани. Что вызвало такой переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ между отдаленными другъ отъ друга народностями,—намъ положительно неизвѣстно, но что такой переворотъ произошелъ вслѣдствіе какой-нибудь

важной причины,—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ разсматриваютъ этотъ походъ какъ нападеніе какой-то разбойнической шайки, цѣлью которой былъ исключительно грабежъ, т. е. какъ событіе, неимѣющее никакого отношенія къ международной политикѣ, но мнѣніе это положительно не выдерживаетъ критики. Извѣстіе Аль-Масуди все дышитъ правдивостью и даже рѣдкимъ безпристрастіемъ. Онъ, видимо, не преувеличиваетъ ни численности русскаго войска, ни того ужаса, который навело это нашествіе многочисленныхъ и храбрыхъ враговъ на его соотечественниковъ. Какъ современникъ событія, онъ, конечно, могъ имѣть свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, а это тоже имѣетъ громадное значеніе для оцѣнки извѣстія. Не замалчиваетъ онъ также и неудачи своихъ единовѣрцевъ, когда русы, отбиваясь отъ нападенія на островѣ, перебили и потопили нѣсколько тысячъ мусульманъ. Упоминаетъ онъ и о поголовномъ бѣгствѣ жителей многихъ провинцій и многолюдныхъ, богатыхъ городовъ. Чистосердечно признаетъ, что всѣ усилія прогнать русовъ со стороны арабовъ были безплодны, и что удалились они только послѣ многомѣсячнаго безмятежнаго пребыванія на

островѣ, когда имъ самимъ, наконецъ, «надоѣла эта жизнь».

Всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности совершенно противорѣчатъ предположенію объ этомъ походѣ какъ о подвигахъ какой-то разбойнической шайки. Но еще болѣе опровергаетъ это предположеніе описаніе самаго начала похода, а именно переговоры съ хазарскимъ царемъ о пропускѣ черезъ его землю. Въ данномъ случаѣ поведеніе русовъ еще менѣе походитъ на поведеніе разбойничьей шайки. Дипломатическіе переговоры о пропускѣ черезъ нейтральную территорію предшествуютъ походу. Въ этихъ переговорахъ выговариваются условія пропуска многочисленнаго войска—на 500 сравнительно большихъ корабляхъ,—войска, очевидно, хорошо организованнаго и вооруженнаго, такъ-какъ оно могло всюду противостоять арабскимъ отрядамъ, слава о храбрости и отвагѣ которыхъ гремѣла на всемъ Востокѣ. И слава эта не была преувеличенною: арабы не только покорили себѣ всѣ сосѣднія страны, но даже тѣснили со всѣхъ сторонъ и могущественную Византію, часто терпѣвшую неудачи при борьбѣ съ ними за свои острова и азіатскія провинціи. Да и какое-бы отдѣльное племя изъ русскихъ славянъ могло въ

10-мъ вѣкѣ выдѣлить изъ себя разбойничью шайку въ 50,000 человѣкъ, обладающую флотомъ въ 500 кораблей? Очевидно, это было войско, снаряженное даже не однимъ племенемъ, а союзомъ нѣсколькихъ племенъ, объединенныхъ какой-нибудь общей идеей или достаточно сильной властью. Время похода относится къ послѣднему году княженія Олега, когда по нашей лѣтописи объединеніе отдѣльныхъ племенъ подъ властью правителя кіевскаго установилось довольно прочно. Самый путь русовъ на Каспій, съ которымъ достаточно подробно знакомитъ насъ Масуди, былъ именно путемъ для тѣхъ изъ славянъ, которые имѣли центромъ своимъ Кіевъ. Они спускались на корабляхъ по Днѣпру, огибали Крымъ и вступали въ Азовское море. Отсюда подымались по Дону до того мѣста, гдѣ эта рѣка подходитъ на самое близкое разстояніе къ Волгѣ. Тутъ переволакивали свои суда по сушѣ и спускались по Волгѣ на Каспій. Арабы знали этотъ путь, но не имѣли точныхъ свѣдѣній о волокѣ, а потому и понятно ихъ предположеніе о соединеніи рукава (Дона) Майотаса (Азовскаго моря) съ Волгой.

Если мы будемъ разыскивать затѣмъ вѣроятную причину похода, то по аналогіи придемъ къ заключенію, что она

могла быть подобною той, которая вызвала и походы русовъ на Византію, а именно—торговая. Русы, какъ мы видимъ изъ источниковъ, были издревле народъ преимущественно мирный, но вмѣстѣ съ тѣмъ предпріимчивый и торговый, и имѣли сношенія съ южными и восточными странами именно такого свойства, сами вывозя свои товары въ чужія земли по морямъ: на югѣ Черному и Каспійскому и на сѣверѣ по Варяжскому—Балтійскому. Въ 9-мъ вѣкѣ, какъ мы видѣли, рисуетъ намъ картину такихъ отношеній на востокѣ Ибнъ-Хордадбе («и привозятъ товары на верблюдахъ въ Багдадъ»). Въ концѣ того-же 9-го вѣка торговое недоразумѣніе между ними и греками, выразившееся въ обидѣ какихъ-то русскихъ купцовъ, вызвало первый походъ на Византію, извѣстный подъ названіемъ похода Аскольда и Дира *).

*) Драгоцѣннымъ источникомъ для опредѣленія того, что этотъ первый походъ носилъ именно такой характеръ отмщенія за тяжкую обиду, выразившуюся на почвѣ мирныхъ международныхъ сношеній, служитъ одна изъ проповѣдей знаменитаго константинопольскаго патріарха Фотія, произнесенная имъ во время самой осады Византіи русами.

„Мы не смѣли посмотрѣть на нихъ прямо и неробко, напротивъ, разслабли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего имъ повадно

Весьма вѣроятно, что нѣчто подобное могло случиться и на Востокѣ. Торговыя мирныя сношенія между русами и прикаспійскими народностями въ 10-мъ вѣкѣ устанавливаются довольно тѣсныя. Едва-ли не о торговомъ флотѣ говоритъ и вышеприведенный историкъ Магомедъ сынъ Гассана, упоминая о русскихъ корабляхъ 909 года. Весьма вѣроятно, что это была одна изъ попытокъ русовъ завязать торговыя сношенія болѣе обширныя. Можетъ-быть, именно неудача этой попытки, какая-нибудь несправедливость, оказанная со стороны мѣстныхъ властей или недобросовѣстность мѣстныхъ коммерсантовъ, вызвала мстительный походъ 912 года, по примѣру таковыхъ-же походовъ на Византію.

Но можетъ быть допущена и еще одна догадка о причинахъ похода, едва-

---

было воевать мужественно: ибо эти варвары *справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ и справедливо требовали кары*".

Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ произошло это умерщвленіе соплеменниковъ русовъ — намъ неизвѣстно, но очевидно, что оно произошло въ мирное время, во время существованія добрыхъ между двумя народностями отношеній, иначе, конечно, русы не смотрѣли-бы на это убійство какъ на тяжкую обиду, и самую ихъ злобу византійскій патріархъ не могъ-бы находить „справедливою".

ли не болѣе вѣроятная, чѣмъ первая. Догадка эта основывается на той коварной политикѣ, которую практиковала Византія по отношенію къ сосѣднимъ народамъ въ теченіе всего періода своего могущества. «Суть греки льстивы и по сіе время»,—говоритъ нашъ лѣтописецъ 12-го вѣка, констатируя факты коварнаго отношенія грековъ къ Святославу. Ссорить и возбуждать другъ противъ друга сосѣднія народости и пользоваться ихъ междоусобіями, не пренебрегая при этомъ никакими средствами,—вотъ главная, основная мысль политики грековъ, и свидѣтельствъ о таковомъ ихъ образѣ дѣйствій мы находимъ въ исторіи множество. До насъ дошли даже многіе трактаты, написанные самими византійскими императорами, въ которыхъ они ясно излагаютъ свои взгляды и теоріи по данному вопросу въ назиданіе своимъ военачальникамъ, администраторамъ и другимъ государственнымъ дѣятелямъ. Такимъ образомъ неоднократно возбуждаются ими гунны противъ болгаръ, болгары противу гунновъ и мадьяръ, печенѣги противъ русовъ, хазары противъ тѣхъ-же русовъ, и наоборотъ, и т. п. Главнымъ средствомъ при этомъ, конечно, являлось прежде всего золото, въ видѣ подарковъ, посылаемыхъ императорами

къ вождямъ народа, который слѣдовало привлечь на свою сторону. Подарки эти часто принимали видъ періодическій и являлись такимъ образомъ какъ-бы въ формѣ дани, выплачиваемой часто народу сравнительно ничтожному. Рельефный примѣръ такой политики видимъ мы позднѣе въ исторіи русскаго князя Святослава. Греки сперва послали ему громадную сумму денегъ въ видѣ подарка на военныя издержки, чтобы при его помощи сломить окончательно силу болгаръ, съ которой имъ приходилось до той поры серьезно считаться. Испугавшись затѣмъ успѣховъ того-же Святослава и боясь его возрастающаго могущества, они вскорѣ всѣми силами поддерживаютъ тѣхъ-же болгаръ и, наконецъ, подкупаютъ печенѣговъ, чтобъ окончательно избавиться отъ ненавистнаго имъ князя—опаснаго по своему характеру даже и послѣ отступленія изъ Болгаріи. Совершенно таковая-же политика практиковалась греками и на Востокѣ. Борьба съ арабами и вообще съ мусульманствомъ кипѣла въ Азіи непрестанно, и въ средствахъ для этой борьбы греки по обыкновенію не стѣснялись. Подкупъ вождей мелкихъ азіатскихъ народностей, даже отдѣльныхъ арабскихъ правителей и военачальниковъ практиковался широко и

безпрерывно. Но, несмотря на это, въ въ общемъ перевѣсъ все-таки въ большинствѣ случаевъ въ 9-мъ и въ началѣ 10-го вѣка оставался на сторонѣ арабовъ. Византія съ трудомъ останавливала мусульманскій напоръ на азіатской границѣ и принуждена была лишиться нѣкоторыхъ своихъ восточныхъ провинцій. Ясно, что возбужденіе противъ мусульманъ какой-нибудь еще народности входило въ расчеты византійскаго правительства, и весьма вѣроятно, что походъ русовъ на Каспій былъ именно результатомъ этой политики. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что походъ былъ совершенъ въ 912 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда по нашей лѣтописи заключенъ былъ торговый мирный трактатъ съ греками князя Олега. Въ этомъ договорѣ говорится, какъ извѣстно, о многихъ льготахъ, предоставляемыхъ русамъ по торговлѣ ихъ съ Византіей. Лѣтопись наша упоминаетъ также и о богатыхъ дарахъ, полученныхъ княземъ, его дружиной и даже отдѣльными городами Руси отъ императоровъ греческихъ. Весьма вѣроятно, что въ числѣ нѣкоторыхъ пунктовъ этого договора—конечно, оставшихся втайнѣ—предусматривается и походъ Руси на мусульманскій Востокъ со стороны

Каспія. Такой образъ дѣйствій нисколько ни противорѣчитъ ихъ политикѣ,—напротивъ, онъ изъ нея вытекаетъ. Легко объясняется при этомъ и неудачный конецъ похода. Добившись результатовъ желательныхъ, въ смыслѣ разгрома береговъ Каспія,—греки совершенно свободно могли на всякій случай направить на русовъ хазаръ, дабы помѣшать заодно и возрастанію могущества своихъ официальныхъ друзей—русовъ.

Достойно замѣчанія еще то обстоятельство, что и слѣдующій военный походъ русовъ на Каспій также совпадаетъ съ заключеніемъ торговаго трактата съ греками, на сей разъ преемника Олега, князя Игоря. Это опять-таки наводитъ на мысль, что едва-ли и этотъ походъ не произошелъ по подстрекательству грековъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Игорь, какъ извѣстно, при нападеніи на Византію потерпѣлъ неудачу,—а, между тѣмъ, договоръ его съ греками опять-таки предоставляетъ рускимъ купцамъ много льготъ, и, сверхъ того, лѣтописецъ нашъ упоминаетъ о многихъ дорогихъ подаркахъ, присланныхъ въ томъ-же году изъ Византіи. Правда, что наша лѣтопись объясняетъ и подарки, и льготы страхомъ грековъ

передъ новымъ походомъ Игоря, къ которому онъ приготовлялся, но едва-ли это правдоподобно: разбитый недавно врагъ послѣ своей неудачи врядъ-ли могъ возбудить такой страхъ и вызвать такую покорность со стороны могущественной Византіи. Гораздо вѣроятнѣе, что договоръ и подарки были послѣдствіемъ тайнаго соглашенія между Византіей и Игоремъ о новой попыткѣ поколебать ненавистную мусульманскую силу на отдаленномъ Востокѣ. Попытка эта была такъ-же грандіозна, какъ и первая, и память о себѣ, судя по числу дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ, оставила въ народѣ еще болѣе ужасную, чѣмъ о первомъ походѣ.

Походъ этотъ состоялся въ 944 году, и онъ-то и послужилъ темой для фабулы разсматриваемой нами поэмы Низами.

Русскія лѣтописи объ этомъ походѣ, такъ и о предыдущемъ, не говорятъ ни слова, подъ годомъ-же 944-мъ въ нашей лѣтописи помѣщено лишь слѣдующее извѣстіе:

«Въ лѣто 6452 (944) Игорь, совокупивъ воиновъ много: варяговъ, русь, полянъ, словянъ, кривичей (тиверцевъ, вятичей) и нанявъ печенѣговъ и взявъ у нихъ заложниковъ, пошелъ на гре-

ковъ въ ладьяхъ и на коняхъ, хотя отомстить за себя. Прослышали объ этомъ корсунцы и послали къ Роману-царю, извѣщая: идутъ русь, покрыли море кораблями. Также и болгары послали вѣсть, говоря: идутъ Русь и наняли себѣ въ помощь печенѣговъ. Услышавъ объ этомъ, царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ, моля и говоря: не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ этой дани. Точно также послалъ и къ печенѣгамъ паволоки (дорогія матеріи) и злата много. Игорь-же, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и началъ думать (съ ней совѣщаться) и повѣдалъ ей рѣчь цареву. Рекла-же дружина Игорева: «Если такъ говоритъ царь, то что-же можетъ быть лучше этого: не бившись, получить и злато, и серебро, и паволоки. Еще кто знаетъ—кто одолѣетъ: мы или они? И съ моремъ кто можетъ знать навѣрно? Это не по землѣ ходимъ, а по морской глубинѣ; обща смерть всѣмъ». Послушалъ ихъ Игорь и повелѣлъ печенѣгамъ воевать болгарскую землю, а самъ взялъ съ грековъ и золото, и паволоки и на всѣхъ воиновъ, возвратился вспять и пришелъ къ Кіеву во-свояси».

О связи, существующей между этимъ отложеннымъ походомъ и другимъ, въ томъ-же году состоявшимся на Каспій,

высказывали догадки уже многiе изъ историковъ. Собравъ значительное войско,—говорятъ они,—Игорь, несмотря на замиренiе съ греками и на полученную отъ нихъ дань, все-таки могъ найти неудобнымъ распустить его по домамъ, не предпринявъ рѣшительно никакихъ военныхъ дѣйствiй. Подарки грековъ, можетъ-быть, не вполнѣ удовлетворили всѣхъ воиновъ, жаждавшихъ военной славы и добычи болѣе богатой. Кромѣ того, вернуться обратно домой, не сразившись ни съ кѣмъ, могло показаться многимъ воинамъ и обиднымъ, послѣ тѣхъ трудовъ и усилiй, которые они употребили на сборы. Далѣе: изъ того-же извѣстiя видно, что Игорь отправилъ печенѣговъ на болгаръ,—очевидно, ихъ не удовлетворили одни греческiе подарки. Весьма вѣроятно, что и другую часть войска онъ вынужденъ былъ направить на Каспiй, чтобы дать исходъ военному пылу и жаждѣ битвъ и славы, которые одушевляли его воиновъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, связь между двумя походами допускается многими, но причины этой связи все-таки едва-ли правдоподобны. Предположенiе о греческой интригѣ гораздо болѣе вѣроятно, такъ какъ вытекаетъ и изъ сопоставленiя извѣстiй, и изъ общихъ

основаній коварной политики византійцевъ. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что оба похода на Каспій совершены какъ разъ въ тѣ-же годы, когда были заключены выгодные для Руси мирные договоры съ греками, положительно нельзя назвать случайнымъ.

Восточные писатели сохранили намъ о походѣ 944 года слѣдующія свѣдѣнія:

1) *Моисей Каганкатваци*—агванскій историкъ второй половины 10-го вѣка, въ своей «Исторіи Агванъ» говоритъ:

«Въ продолженіе этого времени ослабѣваетъ народъ таджиковъ и является новый народъ гелемеки (делемеки, дейлемиты). Начальникъ ихъ Саларъ распространилъ власть свою и покорилъ Агванію, Персію и Арменію. Онъ прибылъ въ Партавъ (Бердаа), покоривъ его себѣ. Въ то-же время съ сѣвера грянулъ народъ дикій и чуждый—рузики. Не болѣе какъ въ три раза они подобно вихрю распространились по всему Каспійскому морю до столицы агванской—Партава. Не было возможности сопротивляться имъ. Они предали городъ лезвію меча и завладѣли всѣмъ имуществомъ жителей. Тотъ-же Саларъ осадилъ ихъ, но не могъ нанести имъ никакого вреда, ибо они были непобѣ-

димы силою. Женщины города, прибѣгнувъ къ коварству, стали отравлять рузовъ, но тѣ, узнавъ объ этой измѣнѣ, безжалостно истребили женщинъ и дѣтей ихъ и, пробывъ въ городѣ 6 мѣсяцевъ, совершенно опустошили его. Остальные, подобно трусамъ, отправились въ страну свою съ несмѣтною добычей».

Извѣстіе это важно, такъ какъ самъ авторъ былъ родомъ изъ Каганкатуна, расположеннаго близъ Бердаа, и жилъ во времена описываемаго событія.

2) Писатель *Якутъ* (жилъ въ концѣ 12-го и началѣ 13-го вѣка) говоритъ о томъ-же походѣ кратко:

«Это они (русскіе), которые годъ владѣли городомъ Бердаа и опустошили его, пока Аллахъ освободилъ его отъ нихъ и погубилъ ихъ».

3) Несравненно болѣе подробно не только Якута, но и Каганкатваци говоритъ о походѣ арабъ *Ибнъ-Эль-Атиръ* (жилъ также въ концѣ 12-го и въ началѣ 13-го вѣка). Очевидно, онъ пользовался многими источниками, неизвѣстными ни тому, ни другому. Источники эти сохранили память о страшномъ событіи достаточно детально и обстоятельно, что служитъ доказательствомъ, что само событіе считалось важнымъ и изъ ряда вонъ выходящимъ. Онъ говоритъ:

«Въ этомъ (943) году ватага русскихъ отправилась по морю въ страны Адзейберджана и поплыла моремъ въ рѣку Куру, а это рѣка великая. Добрались они до Бердаа, и выступилъ противъ нихъ намѣстникъ Бердаа съ толпою дайлемцевъ и волонтеровъ, простиравшейся свыше 5,000 челов. Сразились они съ русскими, но прошло не болѣе часу, какъ мусульмане были обращены въ бѣгство и дайлемцы убиты всѣ до послѣдняго. Русскіе преслѣдовали ихъ до самаго города. Бѣжали всѣ, у кого было на чемъ ѣхать верхомъ, и засѣли въ городѣ. Вошли въ него и русскіе, объявили въ немъ помилованіе и поступали съ жителями хорошо. Подошли со всѣхъ сторонъ войска мусульманскія; стали русскіе сражаться съ ними, и не устояли противъ нихъ мусульмане. Простой народъ сталъ выходить изъ города и швырять въ русскихъ каменьями и ругать ихъ. Русскіе запретили имъ дѣлать это, но отступились только умные, дорожа своею жизнью; другая-же часть народа и чернь не послушались. Когда это стало такъ продолжаться, то вѣстникъ ихъ (русскихъ) объявилъ, чтобы жители города вышли изъ него и оставались въ немъ не долѣе трехъ дней. Вышли (всѣ), у кого было верховое животное, но большая часть осталась

послѣ срока. Русскіе обратили на нихъ оружіе, убили изъ нихъ много народа, послѣ избіенія взяли въ плѣнъ толпу въ 10,000 душъ, собрали тѣхъ, которые остались въ главной мечети, и сказали имъ: откупитесь, не то мы убьемъ васъ. Вступился за нихъ человѣкъ христіанинъ, и было положено взять съ каждаго человѣка по 20 диргемовъ. Но приняли это предложеніе только тѣ изъ нихъ, которые поумнѣе. Когда русскіе увидѣли, что дѣло съ ними не улаживается, они убили ихъ до послѣдняго; спаслись изъ нихъ только успѣвшіе убѣжать. Они—русскіе—овладѣли имуществомъ жителей, обратили плѣнныхъ въ рабство и отобрали себѣ изъ женщинъ тѣхъ, которыхъ нашли самыми красивыми.

«Когда русскіе сдѣлали съ жителями Бердаа то, что мы выше разсказали, то мусульмане были поражены этимъ и стали приходить толпами. Мерзебанъ, сынъ Мухамеда, собралъ народъ и началъ возбуждать его къ войнѣ. Число тѣхъ, которые соединились съ нимъ, превышало 30,000 человѣкъ. Отправился онъ съ ними, но не одолѣлъ русскихъ; сражался онъ съ ними и утромъ, и вечеромъ, но возвращался не иначе, какъ разбитымъ. Такъ прошло много дней. Русскіе уже направились къ Ме-

рагѣ; но такъ какъ они ѣли слишкомъ много плодовъ, то ихъ постигла повальная болѣзнь, и распространились между ними болѣзнь и смерть. Видя, что дѣло затягивается, Мерзебанъ употребилъ хитрость. Онъ задумалъ устроить засаду, затѣмъ напасть на нихъ (русскихъ) съ войскомъ, отступить и, когда выйдетъ засада, снова возвратиться къ нимъ. Отдавъ своимъ сподвижникамъ приказанія по этой части, онъ устроилъ засаду, а потомъ напалъ на нихъ (русскихъ). Они сразились. Мерзебанъ и сподвижники его стали отступать, а русскіе преслѣдовали ихъ до тѣхъ поръ, пока зашли за мѣсто засады. Люди продолжали свое бѣгство, не обращая вниманія одинъ на другого,— разсказывалъ потомъ Мерзебанъ. «Крикнулъ я людямъ,—говоритъ онъ,—чтобъ они вернулись, но они не сдѣлали этого, потому что сердцами ихъ овладѣлъ страхъ передъ русскими; понялъ я, что если люди станутъ продолжать бѣгство, то русскіе убьютъ большую часть ихъ, а потомъ возвратятся къ засадѣ, справятся съ нею и убьютъ всѣхъ до послѣдняго. Возвратился я одинъ; за мной послѣдовалъ братъ мой и товарищъ мой. Рѣшился я на мученическую смерть, и вдругъ вернулась большая часть дайлемцевъ отъ стыда;

возвратились они, настигли мы ихъ и дали засадѣ знакъ, который былъ установленъ между нами. Они (засада) вышли имъ въ тылъ, и сразились мы съ ними (русскими) не на шутку и убили изъ нихъ много народа, въ томъ числѣ и вождя ихъ; остальные ушли въ крѣпость города, называемую Шегристанъ». Русскіе уже успѣли перенести въ нее много съѣстныхъ припасовъ, а вмѣстѣ съ ними плѣнныхъ и награбленное имущество. Мерзебанъ осадилъ ихъ и привелъ ихъ въ стѣснительное положеніе, какъ вдругъ дошло до него извѣстіе, что Абдуллахъ-Хусейнъ-бенъ-Саидъ-бенъ-Хамданъ уже прибылъ въ Адзербейджанъ. Получивъ это извѣстіе, Мерзебанъ оставилъ такихъ, кто-бы осаждалъ русскихъ, а самъ пошелъ на Ибнъ-Хамдана и сразился съ нимъ. Пошелъ снѣгъ, и разошлись сподвижники Ибнъ-Хамдана, потому что большая часть ихъ были арабы. Затѣмъ прибыло письмо отъ Насыръ-Эдъ-Дауле, извѣщавшее его (Мерзебана) о смерти Тузуна и о томъ, что онъ (Насыръ-Эдъ-Дауле) намѣренъ отправиться въ Багдадъ и что приказываетъ ему, Мерзебану, возвратиться домой. Онъ возвратился. Что-же касается сподвижниковъ Мерзебана, то они продолжали сражаться съ русскими. У русскихъ поваль-

ная болѣзнь усиливалась. Когда они хоронили человѣка, то они хоронили вмѣстѣ съ нимъ оружіе его, и отсюда мусульмане добыли много вещей послѣ ухода русскихъ. Затѣмъ они (русскіе) ночью вышли изъ крѣпости, унесли на спинахъ своихъ все непріятельское имущество, которое они добыли, и другое, дошли до Куры, сѣли на корабли свои и удалились. Сподвижники Мерзебана отказались отъ ихъ преслѣдованія и отобранія того, что они (русскіе) взяли съ собою, и оставили ихъ въ покоѣ. Такъ Аллахъ очистилъ отъ нихъ страну».

Послѣдующіе, позднѣйшіе источники всѣ гораздо менѣе подробны и обстоятельны, хотя и въ нихъ находятся извѣстія, нѣсколько дополняющія общее понятіе о событіи.

4) *Баръ*, *еврей* (жилъ въ 13-мъ вѣкѣ) говоритъ: «Въ тотъ годъ, когда онъ, (т. е. Халифъ-Мустакфи) въ 333 (944) году началъ царствовать, вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Адербейджана, взяли городъ Бердаа, и, убивъ въ немъ 20,000 человѣкъ, ушли назадъ».

Русы, очевидно, скрываются подъ именемъ славянъ. Единственно въ этомъ источникѣ упоминается о союзникахъ русовъ—аланахъ и лезгинахъ.

5) *Абуль-Феда* (жилъ въ 14-мъ вѣкѣ)

сообщаетъ: «Въ семъ году (332=943—4) одно полчище русскихъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и по рѣкѣ Курѣ, проникло до самаго города Бердаа. Овладѣвъ имъ, русскіе предались убійству и грабежу и, наконецъ, на своихъ корабляхъ возвратились во-свояси».

Далѣе таковыя-же краткія сообщенія попадаются и еще у нѣсколькихъ авторовъ: Ибнъ-Хальдуна, Хазифъ-Абру, Айни и др., но всѣ они представляютъ изъ себя лишь сокращенія разсказа Ибнъ-Эль-Атира, а потому отдѣльнаго разсмотрѣнія и не заслуживаютъ.

Послѣ этого знаменательнаго второго похода на Каспій, торговыя сношенія русовъ съ прикаспійскими народами хотя временами, можетъ-быть, и прерывались, но въ общемъ не прекращались,—слѣдовательно, народы эти могли почти все время слѣдить за жизнью и типичными особенностями отдѣльныхъ русовъ на своей территоріи вплоть до дня появленія самой поэмы. Кромѣ того, многія лица изъ представителей тѣхъ-же прикаспійскихъ народностей съ начала 10-го вѣка стали наблюдать и описывать русовъ въ другихъ, сосѣднихъ съ ними странахъ, куда эти послѣдніе прибывали по своимъ торговымъ дѣламъ, и, наконецъ, позднѣе,—на ихъ собственной

родинѣ, въ Россіи, куда нѣкоторые торговцы изъ арабовъ, армянъ и восточныхъ евреевъ лично доѣзжали со своими товарами. Эти позднѣйшія свѣдѣнія проникали, впрочемъ, вѣроятно, въ народную массу весьма мало, а потому существеннаго вліянія на измѣненіе народныхъ преданій и сказаній о характерныхъ чертахъ военныхъ нашествій русовъ 10-го вѣка имѣть не могли, но самъ Низами, какъ человѣкъ образованный, могъ пользоваться и ими. Подробное перечисленіе всѣхъ дошедшихъ до насъ подобныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ путешественниками о русахъ 10—12 вѣка, явилось-бы, однако, слишкомъ длиннымъ, а во многомъ и излишнимъ, такъ какъ Низами многихъ характерныхъ явленій изъ жизни русовъ, сообщаемыхъ этими свѣдѣніями, вовсе въ своей поэмѣ и не касается. Совершенно поэтому будетъ достаточно при разборѣ содержанія поэмы коснуться только тѣхъ изъ подобныхъ извѣстій, которыя относятся лишь къ предметамъ, затрогиваемымъ поэтомъ, тѣмъ болѣе что сопоставленіе въ данномъ случаѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ поэмой, со свѣдѣніями другихъ источниковъ является существенно-необходимымъ въ смыслѣ провѣрки и пополненія ихъ другъ другомъ.

Слѣдующій извѣстный намъ военный походъ русовъ на Каспій состоялся во второй половинѣ 12-го вѣка. Ни одинъ изъ историческихъ источниковъ объ этомъ походѣ не упоминаетъ, и вообще мы имѣемъ о немъ свѣдѣнія крайне туманныя и неопредѣленныя, но, тѣмъ не менѣе, для характеристики свѣдѣній, сообщаемыхъ Низами, на этотъ походъ слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ, быть-можетъ, изъ этого-то современнаго ему событія поэтъ и черпалъ матеріалъ для своихъ характерныхъ описаній, пріурочивая лишь ихъ къ памятному для народа событію, случившемуся за два слишкомъ вѣка ранѣе.

Всѣ наши свѣдѣнія о походѣ ограничиваются лишь нѣсколькими строками изъ хвалебной пѣсни современника Низами, также персидскаго поэта *Афзаль-Эддинъ Хакани*, который, воспѣвая доблесть и славу правителя Ширвана—Ахистана, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Владыка (Ахистанъ), съ усердіемъ Гуда и краснорѣчіемъ Ноя ты, какъ буря, посѣтилъ *хазаръ* и, какъ потокъ, (нахлынулъ на) *алланъ*... Ты сдѣлалъ изъ Дербента адъ и заставилъ возгласы раздаваться до Шабрана *)... Ты

*) Шабранъ нѣкогда знаменитая крѣпость, а нынѣ груда развалинъ въ Кубинскомъ уѣздѣ.

сдѣлалъ Хизванъ (т. е. Ширванъ) похожимъ на Багдадъ и Каиръ. Въ то-же время онъ калифъ Багдада и Каира, и вслѣдствіе щедрости его руки Ефратъ протекаетъ черезъ Саадунъ, а Нилъ—черезъ Гердаманъ. Ты видѣлъ, какъ воины его произвели ночное нападенiе на дивовъ *русскихъ*, когда изъ засады гнѣва своего онъ спустилъ льва Систанскаго (т. е. Рустема)... Всѣ эти ястребиныя сердца шли ночью какъ журавли и какъ птицы Ката изгнали Симурговъ изъ ихъ гнѣздъ. Они преслѣдовали ихъ до конца ночи... Утромъ ты вынулъ изъ ноженъ мечъ свой и ты обратилъ его противъ невѣрныхъ, пока мечъ покрылъ ихъ всѣхъ пылью безчестія... Твой конь ринулся какъ осеннiй вѣтеръ. Каждый изъ твоихъ воиновъ въ своей крѣпости изъ бронзовой кольчуги былъ какъ Исфендiаръ: они произвели на морѣ опустошенiя... Левъ обнажилъ свой мечъ, какъ солнце въ созвѣздіи Льва, но вздохи, которые испустили враги, превратили сердце лѣта въ первый мѣсяцъ осени. Сердце невѣрныхъ какъ градомъ было побито оспинами величиною въ виноградное зерно, и іеменская сабля цвѣта зеленаго винограда обратила кровь ихъ въ вино. Сабля голубого цвѣта разостлала по морю слой марены до острова Руинаса и до Лембе-

рана. На островѣ она изъ крови *русскихъ* сдѣлала море, и волна этого моря походила на высокую гору; она разметала корабли, и можно было сказать, что тамъ посѣяны яхонты; пожинались головы и тѣла кричали: аманъ. Одна половина была умерщвлена, другая половина, разбитая, убѣжала, и смерть изгнала жаръ ихъ изъ немощныхъ душъ... Знамена шаха со словами Иннафатахма распространили въ мірѣ новость, породившую радость. Онъ накидалъ столько-же пыли на голову русскихъ, сколько Альпъ-Арсланъ накидалъ ее на головы жителей Рума (грековъ). День или два эти сердца собачьи (т. е. свирѣпыя) успѣли произвести въ Ширвани безпорядки, подобные тѣмъ, которые Ардженгъ произвелъ въ Мазандаранѣ, но ужасъ, распространяемый теперь шахомъ въ Дербендѣ и въ Россіи, произвелъ тамъ смущеніе, подобное тому, которое эти собачьи сердца навели на Ширванъ».

Кто были эти русы, дѣйствовавшіе, повидимому, въ качествѣ союзниковъ хазаръ и алланъ,—положительно неизвѣстно. Россія во второй половинѣ 12-го вѣка была раздѣлена на отдѣльныя княжества, числомъ до пятнадцати, и принималъ-ли въ походѣ участіе кто-либо изъ извѣстныхъ по исторіи князей—вопросъ открытый. Самый годъ событія

также неизвѣстенъ. Ахистанъ (по грузински Агсартанъ) жилъ въ 12-мъ вѣкѣ, приходился двоюроднымъ братомъ грузинскому царю Георгію III и правилъ Ширваномъ. Нѣкоторый намекъ на тотъ-же походъ находимъ мы въ грузинской лѣтописи, но также весьма неопредѣленный. Въ лѣтописи этой говорится:

«Однажды прибылъ къ нему (царю Георгію) Андроникъ Комненъ, сынъ брата отца Мануила Великаго, владыки всего Запада и императора греческаго. Воздавъ Богу должную благодарность, Георгій сдѣлалъ ему почетный пріемъ, какъ подобало его высокому роду, отвелъ ему достаточное число городовъ и крѣпостей и назначилъ ему мѣстопребываніе по сосѣдству съ своей собственной резиденціей, насупротивъ Агсартана, сына сестры своего родного отца, царя Мовакана и Ширвана и приморской страны отъ Дербента до Хилкала. Царь Георгій обращался съ нимъ (т. е. съ Агсартаномъ) какъ съ сыномъ, такъ какъ онъ былъ сыномъ Тамары, сестры его отца, которая была выдана замужъ въ этой странѣ царемъ Давидомъ Великимъ. Однажды этотъ Ширваншахъ, обезпокоенный дербентскими (*хазарами*), прибѣгнулъ къ царю, который, собравъ войско съ обѣ-

ихъ сторонъ Лихской горы (нынѣшняго Сурамскаго хребта) и взявъ съ собою Андроника, брата греческаго императора, дошелъ до воротъ дербентскихъ, разорилъ страны Мускурскую и Шарабамскую и взялъ городъ Шабуранъ... Царь передалъ городъ сыну своей тетки по отцу—Ширваншаху. Оттуда онъ вторгнулся въ Бассіанъ,—подвигъ необыкновенный и свыше силъ человѣческихъ, и возвратился съ побѣдой».

О русахъ и алланахъ не говорится такимъ образомъ ни слова, но они, какъ союзники хазаръ, можетъ-быть, скрываются подъ общимъ именемъ этого народа. О подробностяхъ похода—также почти ни слова. Вотъ и все, чѣмъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія объ этомъ походѣ русовъ на Каспій во второй половинѣ 12 вѣка.

Затѣмъ перейдемъ, пользуясь французскимъ переводомъ оріенталиста Шармуа, къ разсмотрѣнію содержанія поэмы «Искандеръ-Наме».

Русы нападаютъ на Абхазію. Царь абхазовъ Дували жалуется Александру Великому въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Соблаговоли, великій царь, отомстить за меня несправедливымъ русамъ, которые похитили нашихъ юныхъ красавицъ съ супружескихъ ложъ Аб-

хазіи. Они явились и опустошили эту прекрасную страну до такой степени, что изъ всѣхъ благъ, которыми мы обладали, они не оставили намъ даже зубочистки. Русъ, жадный къ битвамъ, явился къ намъ ночью изъ страны аллановъ и герковъ и ударилъ на насъ, какъ градъ. Не смогши пробить себѣ путь черезъ Дербентъ и его окрестности, онъ пустился въ море на палубахъ своихъ судовъ, совершилъ вторженіе, результаты котораго не поддаются вычисленію, и пробудилъ въ этой странѣ ненависть, которая *издревле раздѣляла наши двѣ народности*, предавши опустошенію эту прекрасную страну. Ахъ, если-бы доступъ разрушительной ступни этой народности могъ-бы навсегда сдѣлаться запретнымъ. Кромѣ убитыхъ, число коихъ неисчислимо, онъ произвелъ большія опустошенія и вынесъ богатую добычу. Онъ не оставилъ ничего, что было собрано въ Абхазіи; ни одинъ драгоцѣнный предметъ не остался въ сокровищницѣ; онъ окончательно отнялъ у насъ всѣ наши богатства, похитивъ жемчуга изъ ихъ футляровъ и шелковыя матеріи, покрывавшія тронъ. Этотъ народъ опустошилъ всю территорію Бердаа, разграбилъ городъ, наполненный сокровищами, похитилъ Наушабе (царицу Бердаа) и разбилъ хрупкій сосудъ о

камень. Изъ всѣхъ привлекательныхъ по красотѣ предметовъ, которыми ты любовался въ нашей родинѣ, онъ не оставилъ ни одного на мѣстѣ его рожденія. Онъ разорилъ всѣ наши города и провинціи и предалъ огню селенія съ ихъ обитателями. Ахъ, если-бъ я находился въ то время въ этомъ государствѣ, я бы не оплакивалъ теперь подобныхъ утратъ. Въ то время, когда я имѣю честь быть привязаннымъ къ тебѣ службою, наши жены и наши дѣти стонутъ въ оковахъ и въ темницахъ. Если нашъ державный повелитель отомститъ за насъ нашимъ врагамъ, пусть божество ему въ томъ поможетъ своимъ содѣйствіемъ; если-же нѣтъ, то ты увидишь черезъ малое число лѣтъ—русы внесутъ опустошеніе и въ Грецію, и въ Арменію. Достигнувъ такимъ образомъ возможности похищать богатыя сокровища, они выкажутъ при нападеніи на другихъ такую-же стремительность, каковую выказали, нападая на насъ. Это ничто иное, какъ разбойники, подобные волкамъ и львамъ. *Они никогда не предаются веселію пировъ* и не умѣютъ выказывать мужество иначе, какъ въ смыслѣ пролитія крови. Они овладѣваютъ странами и покоряютъ города. Эти люди самые варварскіе и существа самыя гнусныя во

всемъ свѣтѣ. Никто не подумаетъ искать человѣколюбія въ сердцѣ руса, потому что въ нихъ ничего нѣтъ человѣческаго, кромѣ наружности. Когда однажды эти разбойники находятъ дорогу къ сокровищамъ, они производятъ самыя страшныя опустошенія въ странѣ, въ которой она находится. Они распускаютъ свои крылья, чтобы летѣть на грабежъ и отнимаютъ у купцовъ всѣ ихъ богатства. Такъ какъ уже они осмѣлились опустошать эти страны, то и Хоросанъ, и Греція точно также возбудятъ ихъ алчность».

Въ этомъ отрывкѣ авторъ допускаетъ одинъ существенный анахронизмъ. Дѣло въ томъ, что общее названіе Абхазіи или Абхазскаго царства распространилось на все Закавказье, въ томъ числѣ дошло и до странъ прибрежныхъ Каспія гораздо позднѣе первой половины 10-го вѣка, къ которому относится, какъ мы видѣли, взятіе Бердаа, а именно только въ 11-мъ и въ особенности въ 12-мъ вѣкѣ. Названіе это, какъ извѣстно, возникло и обобщило мало по малу всю страну отъ имени династіи абхазо-карталинскихъ царей, начавшейся съ царя Баграта III, соединившаго около 985 года два отдѣльныя царства Абхазское и Карталинское, т. е. Грузію за-

падную и восточную. Могущество новаго соединеннаго царства постепенно расло въ теченіе двухъ столѣтій при преемникахъ Баграта—Георгіи I, Багратѣ IV, Георгіи II, Давидѣ III Возобновителѣ, Дмитріи I, Давидѣ IV, Георгіи III и, наконецъ, при извѣстной царицѣ Тамарѣ, въ концѣ 12-мъ вѣка, достигло своего апогея. Подъ тѣмъ-же названіемъ «абазовъ» или «обезовъ», т. е. абхазовъ, извѣстны объединенные властью династіи обитатели Закавказья и русскимъ лѣтописцамъ въ 12-мъ вѣкѣ. Такъ, напр., одна изъ русскихъ лѣтописей, сообщая о половецкомъ ханѣ Отрокѣ, спасавшемся со своей родины послѣ побѣдъ Владиміра Мономаха, говоритъ, что онъ бѣжалъ «къ обезамъ, за Желѣзныя ворота», т. е. въ Закавказье, къ абхазамъ. Такимъ образомъ, ясно, что Низами пріурочилъ современное ему названіе страны Абхазіи къ событію 10-го вѣка совершенно произвольно.

Въ другомъ мѣстѣ, наоборотъ, во фразѣ Дували: «ненависть, которая *издревле* раздѣляла наши двѣ народности», замѣчается какъ будто явленіе противоположное, т. е. что поэтъ заставляетъ абхазскаго вождя выражать мысль не современную автору а почерпнутую изъ отношеній болѣе древнихъ. И дѣйствительно, вождь 944-го года могъ

говорить о старой враждѣ между народностями, намекая на событія 912 года, но въ устахъ вождя абхазца 12-го вѣка эта фраза неестественна, такъ какъ именно въ эту эпоху сношенія Руси съ Абхазіей устанавливаются самыя миролюбивыя. Въ этотъ именно вѣкъ заключены два брачныхъ союза русскихъ князей съ царевнами грузино-абхазскаго дома, а именно: въ 1154 году волынскій князь Изяславъ Мстиславовичъ женится на «абазинской княжнѣ», по имени неизвѣстной, которую Броссе считаетъ дочерью Дмитрія I, а Бутковъ—дочерью Георгія III; а въ 1184 году князь Георгій, сынъ Андрея Боголюбскаго—на грузинской царицѣ Тамарѣ. Правда, что если послѣдній походъ русовъ на Дербентъ, о которомъ упоминаетъ Хакани, былъ Низами извѣстенъ, то фраза эта является болѣе понятной, но все-таки она вѣрной характеристики отношеній между русскими и абхазцами въ эпоху, современную поэту, въ себѣ не заключаетъ.

Выраженіе, «они (русы) никогда не предаются веселію пировъ» должно, конечно, относиться къ тѣмъ воинамъ, которые находятся въ походѣ во вражеской землѣ, и съ этой точки зрѣнія является характернымъ опредѣленіемъ строгой дисциплины, существовавшей

въ русскихъ военныхъ отрядахъ, о которой намъ передаютъ и многіе другіе источники. Подтвержденіе этого факта мы, впрочемъ, встрѣчаемъ далѣе и въ самой разсматриваемой нами поэмѣ.

—

Далѣе въ поэмѣ говорится:

«*Кинталъ* (или *Квинталъ*), который шелъ во главѣ русовъ, замѣтивъ, что небо принимаетъ этотъ зловѣщій видъ, собралъ войско въ семи провинціяхъ, зависѣвшихъ отъ Россіи (буквально— семь Россій), изъ коихъ онъ какъ-бы сдѣлалъ семь молодыхъ невѣстъ. Его войско, составленное изъ *пертасовъ* (*буртасовъ*), *аллановъ* и *хизаръ*, образовало потокъ, обширный, какъ океанъ, и внушительный, какъ гора. Вооруженное *мечами* и *панцырями*, оно устремилось по странамъ, лежащимъ между областью Ису и степью Кефтшакъ (Кипчакъ). Всѣ эти отряды казались *залитыми въ желѣзо*; *шлемъ* того-же металла покрывалъ ихъ головы. Эти воины *шли на враговъ*, *щитомъ прикасаясь къ щиту*, такъ что волосъ не могъ-бы пройти сквозь ихъ ряды; эти храбрецы, сидя каждый верхомъ на слонѣ (?), храбро устремлялись впередъ, *рыча*, *какъ львы*; они двигались и *испускали* ежеминутно *крики*, способные состарить отъ ужаса молодого человѣка въ расцвѣтѣ лѣтъ.

Это войско было до того многочисленно, что человѣкъ, одаренный самымъ вѣрнымъ взглядомъ, никогда-бы не смогъ опредѣлить числа воиновъ. Когда одинъ начальникъ, которому было поручено произвести смотръ, сосчиталъ число наличныхъ воиновъ, ихъ оказалось 900,000 и даже болѣе.........

«Русъ, *гложетъ свои внутренности* (то есть переноситъ самые тяжкіе труды и лишенія), тогда какъ вино и сладости пристали лишь молодымъ невѣстамъ»......

«Русы, одаренные характеромъ твердымъ и *привычные къ утомленію*, выслушавъ обманчивыя сообщенія своего вождя, *покорно подчинились его приказу* и сказали ему: *«Мы будемъ вѣрны нашей присягѣ* и будемъ тебѣ повиноваться всю жизнь, выказывая наше усердіе и сражаясь, какъ крокодилы; мы не пощадимъ ни запаха, ни цвѣта этого цвѣтника изъ розъ. Мы нападемъ на непріятеля подъ покровомъ ночи, и желѣзо нашихъ *копій* обагритъ кровью пустынные утесы. Когда наши руки, *выпустивъ повода коней, вооружатся мечами*, мы завернемъ въ наши сѣти головы нашихъ коварныхъ враговъ. Мы не допустимъ дышать ни одного изъ соперниковъ нашего повелителя и разрушимъ этотъ тронъ и эту державу.

Когда мы безъ счета порубимъ головы, намъ уже не предстоитъ опасаться подобныхъ битвъ. Мы ихъ снесемъ, какъ янтарь притягиваетъ солому, и потопчемъ ихъ ногами». Кинталъ, видя, что сердца русскихъ воиновъ воодушевлены благородной отвагой, и что сила его краснорѣчія тронула эту непоколебимую гору, вернулся въ свой лагерь, чтобы приготовиться къ бою. Онъ изгналъ всякій страхъ изъ своего сердца и стеръ ржавчину со своего меча».

—

Въ этомъ мѣстѣ находимъ мы нѣкоторыя описанія, интересныя въ смыслѣ ознакомленія съ характерными чертами древняго военнаго быта русовъ. Къ сожалѣнію, точно опредѣлить, что въ нихъ относится къ X вѣку и что—къ XII в.—невозможно. О воинственныхъ крикахъ русовъ, которыми они воодушевляли себя и наводили страхъ на враговъ при атакахъ, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ X вѣка. Въ тѣхъ-же источникахъ описывается и вооруженіе русовъ, совершенно подобное тому, о которомъ сообщается и у Низами, т. е. тяжелый желѣзный панцырь шлемъ, щитъ, мечъ и копье. Упущено въ поэмѣ лишь еще одно упоминаемое другими источниками оружіе, а именно сѣкира, послужившая прототипомъ позд-

нѣйшаго бердыша. Строй при пѣхотныхъ атакахъ стѣной—щитомъ къ щиту, также ясно описанъ у византійцевъ, современныхъ Святославу. Очень характерно въ поэмѣ сообщеніе о томъ, что при кавалерійскихъ атакахъ русы, взявши въ руки мечи, бросали при этомъ поводья коней. Это прямо вытекаетъ изъ самого свойства ихъ главнаго оружія, тяжелаго обоюдоостраго меча, удобно владѣть которымъ можно было только двумя руками. Восточные народы, а въ особенности арабы при своихъ сравнительно легкихъ кривыхъ сабляхъ могли удобно владѣть ими и не выпуская поводьевъ, а потому возможность одновременно биться и управлять лошадью всегда давала ихъ конницѣ преимущество надъ конницей русской, каковую они и находили всегда сравнительно слабой. Но зато тѣ же тяжелые мечи въ рукахъ людей, росту и силѣ которыхъ дивились тѣ же арабы, превращались въ пѣхотномъ строю въ оружіе всесокрушающее, благодаря чему даже въ Византіи, постоянно содержавшей массу наемныхъ войскъ всевозможныхъ народностей, пѣхота русовъ считалась образцовой. Мечи русовъ, по свидѣтельству арабскихъ писателей X вѣка, были «франкской» работы, но вѣрнѣе, что они

были лишь «франкскаго», т. е. европейскаго образца, а выдѣлывались въ большинствѣ дома, въ Россіи. Сами русы издревле замѣтили преимущество своихъ обоюдоострыхъ мечей надъ оружіемъ восточныхъ народовъ и гордились имъ, —отсюда легенда нашей лѣтописи объ удивленіи хазаръ, получившихъ съ полянъ дань мечами и пророчество хазарскихъ старцевъ, высказанное ихъ царю: «У насъ сабли остры съ одной стороны, а у нихъ съ двухъ: они будутъ брать дань и съ насъ, и съ другихъ народовъ».

Затѣмъ въ этой части поэмы мы находимъ опять намеки на образцовую дисциплину и военныя способности русовъ. Воинъ русъ гложетъ свои внутренности, а вино и сладости предоставляетъ молодымъ дѣвицамъ. Русъ привыченъ къ утомленію. Русы покорно подчиняются вождю и остаются вѣрны своей присягѣ. Всѣ эти свойства, способствовавшія выработкѣ изъ русовъ образцовыхъ воиновъ, наводившихъ ужасъ на враговъ, засвидѣтельствованы и массой другихъ источниковъ, изъ коихъ многіе на два слишкомъ вѣка старше поэмы.

Такимъ образомъ, поэтъ, повидимому, во многомъ сохранилъ колоритъ эпохи, современной описываемому имъ событію, т. е. 10-го вѣка, но весьма вѣроятно, что явленіе это чисто случайное, такъ

какъ тѣ же описанія поэта могли подходить и къ его собственной эпохѣ 12-го вѣка.

—

Затѣмъ поэтъ продолжаетъ:

«Александръ сказалъ: Я не боюсь тѣмъ болѣе сразиться съ русами, что много потоковъ низвергаются сразу съ вершинъ горъ. Начиная съ тѣхъ (горъ), которыя проходятъ по землѣ хазаръ, до самаго моря Китайскаго, земля покрыта племенами тюрковъ, которые, несмотря на то, что неособенно расположены къ грекамъ, превосходятъ ихъ по ненависти, которую питаютъ къ русамъ. *Возбудивъ тюрковъ этихъ странъ напасть на русовъ*, возможно ихъ утомить и задержать ихъ напоръ».

—

Зловѣщимъ пророчествомъ звучитъ въ этомъ мѣстѣ фраза, вложенная поэтомъ въ уста Александра. Очевидно, что въ то время, когда русы и не подозрѣвали о существованіи своихъ будущихъ страшныхъ враговъ — монголовъ *), многіе изъ соотечественниковъ

*) Всѣ извѣстія нашихъ лѣтописей свидѣтельствуютъ о полномъ невѣдѣніи современныхъ нашествію русскихъ людей о происхожденіи и родинѣ ихъ новыхъ враговъ. Такъ, въ одной изъ лѣтописей читаемъ: „Пріиде *неслыханная* рать, безбожніи моавитяне рекомы и татарове“.

Въ другой—„Языци *незнаеми*, ихъ-же добрѣ

поэта уже имѣли понятіе о грозѣ, скопляющейся въ центральной Азіи, готовой обрушиться на Западъ. Понятіе это было, однако, еще, вѣроятно, очень смутно, а представленіе о могуществѣ русовъ—очень живо, такъ какъ поэтъ позволяетъ себѣ надѣяться лишь на то, что всѣ эти племена тюрковъ, живущія отъ Урала до Китайскаго моря, смогутъ лишь только утомить русовъ и задержать ихъ напоръ. Но поэтъ не принялъ въ соображеніе, что внутреннія междоусобія помогутъ этому утомленію болѣе всѣхъ другихъ внѣшнихъ причинъ. Не прошло и полувѣка со дня смерти поэта, какъ пророчество его сбылось и превзошло всѣ его ожиданія. Междоусобія сдѣлали свое дѣло и утомили предпріимчивый и храбрый народъ: русскій напоръ на юго-востокъ былъ задержанъ, и задержанъ основательно,—на цѣлые пять вѣковъ.

—

Далѣе въ поэмѣ сообщается:

«Могущественный властитель (Александръ), одушевляемый самыми блестящими надеждами, застегнулъ свой поясъ и приготовился къ бою на слонѣ бле-

---

никто же не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоше и котораго племени суть, и что вѣра ихъ, а зовутъ я татары, а иніи глаголютъ таурмени, а друзіи—печенѣзи".

стящей бѣлизны. Съ другой стороны видны были русы, румяный цвѣтъ лицъ которыхъ не уступалъ въ блескѣ святилищу маговъ (?). Войска *Хазрана* выстроились отъ нихъ *направо*; *налѣво* слышны были крики *буртасовъ*, *алланы* составляли отрядъ *резерва*, а воины *ису*, занимая *авангардъ*, какъ бы играя, рубили головы. *Центръ* былъ занятъ *русами*, которые въ нетерпѣніи осуществить свою месть изгнали изъ своихъ сердецъ всякое чувство привязанности къ Александру.....

«Увидѣли выходящимъ изъ рядовъ русскаго воина родственника *Кинтала*. Его ростъ былъ величественный, какъ гора. *Гупелъ* (или *Гупалъ*) было его имя. Его гордая походка походила на походку героя, обладающаго туловищемъ слона.....

«Между русами находился одинъ храбрецъ, по имени *Джаудере*, передъ взглядомъ котораго львы самцы уподоблялись робкимъ павлинамъ. Онъ былъ силенъ, крѣпокъ и способенъ заковать въ оковы своихъ враговъ и покорять цѣлыя области. Этотъ воинъ былъ отвѣтственъ за кровь многихъ враговъ и весьма часто проливалъ кровь самыхъ храбрыхъ. Онъ подтянулъ узелъ ремня, который замѣнялъ ему поясъ, и подбодрилъ своего коня, чтобы напасть на

Дували. Оба скрестили свои острые клинки, и бѣгство имъ стало невозможнымъ. Они наносили другъ другу много ударовъ, но ихъ удары были напрасны, вслѣдствіе ихъ обоюдной ловкости въ бою. Русъ, поднявъ свой разящій клинокъ, опустилъ его безъ жалости на эту желѣзную гору. Онъ разрубилъ шлемъ и поранилъ маковку головы своего противника, котораго онъ погрузилъ въ море крови. Покинувъ затѣмъ слабаго врага, котораго онъ только что поранилъ, отдалъ поводъ своему скакуну и, удалившись съ поля битвы, слѣзъ съ коня и обнажилъ голову»......

«Находился между русами герой, по имени *Туртоусъ*, который славился своею храбростью. Онъ извивался, какъ змѣя, красная и ядовитая, и былъ готовъ всегда сѣять смерть. Онъ стремительно напалъ на Инди, какъ потокъ, съ грохотомъ стремящійся съ вершины горъ, и эти два врага заставляли блистать ихъ достоинства въ схваткѣ, которая между ними закипѣла. Русъ, наконецъ, напалъ на Инди съ такою яростью, что повергъ его на землю. Проливъ всю его кровь, онъ ногами топталъ его тѣло, какъ разбиваютъ сосудъ о камень, послѣ того, какъ выпили его содержимое»......

«Александръ при этихъ словахъ двинулся впередъ съ быстротою Нила и повергалъ головы враговъ къ ногамъ своего слона. Онъ напалъ на русовъ, какъ яростный драконъ, который показываетъ своей жертвѣ свою разверстую пасть. Побѣда высказалась за него, и войско Кинтала обратилось въ бѣгство. Съ перваго удара онъ повергъ ихъ въ прахъ, разрубая ихъ на части. Этотъ властитель ужасный, какъ слонъ, обвернулъ голову Кинтала петлей своего аркана и взялъ его въ плѣнъ. Врагъ бѣжалъ, и вселенная признала за Александромъ власть надъ цѣлымъ свѣтомъ......

«Десять тысячъ какъ буртасовъ, такъ и русовъ, искусныхъ въ обращеніи съ оружіемъ, были захвачены въ плѣнъ. Другіе погибли отъ желѣза и вражьихъ стрѣлъ. Малому числу изъ нихъ безъ оружія и безъ припасовъ удалось убѣжать на родину».

—

Въ этихъ отрывкахъ поэмы мы снова наталкиваемся на нѣкоторыя характерныя черты древне-русскаго военнаго дѣла. Такъ, напр., мы усматриваемъ знакомое намъ и по другимъ источникамъ подраздѣленіе всего войска по отдѣльнымъ племенамъ или народностямъ на правильные, имѣющіе тактическій

смыслъ отряды: центръ или большой полкъ, правое крыло, лѣвое крыло, авангардъ или передовой полкъ и, наконецъ, аріергардъ или засада. Система этого построенія войска, очевидно, издревле практиковалась русами и она то и способствовала, при выработавшейся строгой дисциплинѣ, той стойкости русскаго войска, которая вызывала удивленіе въ восточныхъ народностяхъ, еще не отвыкшихъ вполнѣ отъ стремительныхъ, но безпорядочныхъ массовыхъ эволюцій, грозныхъ лишь въ началѣ дѣла, но никогда не способныхъ противостоять правильнымъ тактическимъ пріемамъ войскъ организованныхъ и построенныхъ по извѣстной осмысленной системѣ. Ясные слѣды того-же построенія проходятъ затѣмъ черезъ всю нашу военную исторію и, оказавъ намъ много услугъ, въ особенности въ войнахъ съ иррегулярными войсками восточныхъ народностей, съ нѣкоторыми малыми измѣненіями, захватываютъ и весь московскій періодъ вплоть до Петра Великаго, которому, наконецъ, суждено было освѣжить это устарѣлое по времени наслѣдіе сѣдой древности нѣкоторыми нововведеніями изъ тактики войскъ западно-европейскихъ.

Далѣе въ тѣхъ-же отрывкахъ поэмы

передъ нами проходитъ рядъ поединковъ отдѣльныхъ богатырей, также практиковавшихся въ исторіи нашихъ войнъ со временъ самыхъ древнихъ. Достаточно припомнить схватки: кіевскаго отрока съ Печенѣгомъ (при Владимірѣ), Мстислава Тмутараканскаго съ Редедею, позднѣе—Осляби и Пересвѣта съ татарскими богатырями при Куликовомъ полѣ и, наконецъ, Ермака съ Маметкуломъ при Іоаннѣ Грозномъ. Подобные поединки, впрочемъ, не были особенностью обычаевъ исключительно русовъ, они практиковались издревле и на Востокѣ, и въ западной Европѣ, но у насъ едва-ли не чаще, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и дошли до временъ сравнительно позднѣйшихъ.

Въ этомъ-же мѣстѣ поэмы встрѣчаемъ мы нѣсколько личныхъ именъ отдѣльныхъ русскихъ военачальниковъ и богатырей. Вопросъ о томъ: можно-ли ихъ считать подлинными историческими или-же только взятыми поэтомъ наудачу изъ именъ современныхъ ему русовъ, или-же, наконецъ, просто вымышленными—очень важенъ, такъ какъ въ случаѣ разрѣшенія его въ первомъ смыслѣ обстоятельство это можетъ служить доказательствомъ, что поэтъ сообщаетъ нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія о личностяхъ, въ дѣйствительно-

сти существовавшихъ, но доселѣ лишь въ нашей исторіи неизвѣстныхъ. Именно такой характеръ исторической дѣйствительности носитъ въ себѣ имя главнаго вождя русовъ въ походѣ на Бердаа—Кинтала или Квинтала, въ виду слѣдующихъ соображеній.

Кромѣ поэмы Низами, подъ тѣмъ-же названіемъ «Искандеръ-Наме», т. е. пѣсни объ Александрѣ, существовало въ средніе вѣка и еще нѣсколько произведеній другихъ восточныхъ авторовъ. Одно изъ подобныхъ сочиненій въ персидской рукописи было найдено, между прочимъ, въ Туркестанѣ и въ 1874 году препровождено въ азіатскій музей. Въ немъ упоминается также о походѣ русовъ на Бердаа и о столкновеніи съ ними Александра—въ слѣдующемъ общемъ видѣ. Царь Искандеръ, узнавъ, что царь *Кинталъ* вышелъ изъ царства русовъ съ бертасами и кертасами (?) и съ большимъ войскомъ завоевалъ крѣпость Бердаа, при чемъ взялъ въ плѣнъ находившуюся съ Искандеромъ въ дружественныхъ отношеніяхъ царицу Нушабе и всѣхъ ея людей, приказалъ своему войску выступить въ походъ и поспѣшить къ ней на помощь. Узнавъ объ этомъ, Кинталъ, шахъ русовъ, написалъ буртасамъ и эртасамъ (?) и въ Аланію къ тасамъ (?), собралъ во-

кругъ себя всѣхъ вождей и выступилъ противъ Александра. Битва продолжалась шесть дней. Русскими бойцами названы: сынъ Кинтала—Минкалъ, Атбасъ, Фарисъ, Алмасъ, Аблакъ, Кагка, Каргатъ и Джезмъ. Наконецъ, русы были разбиты, просили о помилованіи и сдѣлались всѣ, какъ и самъ Кинталъ, мусульманами. Царицу Нушабе Александръ выдалъ замужъ за Дзували, который, однако, не названъ царемъ абхазовъ. Въ текстѣ сочиненія авторъ ссылается на многихъ писателей 10—15 в., произведенія которыхъ, будто-бы, служили ему источниками, но, несмотря на видимое сходство разсказа съ поэмой Низами, имя этого послѣдняго въ числѣ ихъ не упоминается. Это обстоятельство, повидимому, доказываетъ, что неизвѣстный авторъ второй, позднѣйшей Искандеръ-Наме непосредственно отъ Низами ничего не заимствовалъ, а лишь разрабатывалъ одинъ и тотъ-же сюжетъ, пользуясь извѣстнымъ, общимъ съ нимъ источникомъ, которымъ, какъ можно предположить, служило, вѣроятно, какое-нибудь устное народное сказаніе или преданіе о страшномъ событіи, пріуроченномъ народной фантазіей къ имени любимаго на Востокѣ героя—Искандера. Если это такъ, то весьма вѣроятно, что главныя имена первыхъ

персонажей, общія и въ той и другой редакціи, а въ числѣ ихъ и имя Кинтала, суть имена, можетъ-быть, до нѣкоторой степени и извращенныя, но тѣмъ не менѣе подлинныя и во всякомъ случаѣ поэтомъ не вымышленныя, но заимствованныя изъ народныхъ преданій или изъ письменныхъ источниковъ болѣе древнихъ. Остается такимъ образомъ попытаться узнать—кого-же изъ русскихъ военачальниковъ 10-го вѣка могъ подразумѣвать поэтъ подъ именемъ Кинтала?

Разсматривая русскую лѣтопись въ различныхъ ея спискахъ, мы находимъ въ мѣстахъ, касающихся эпохи княженія Игоря, слѣдующія сообщенія: «Въ лѣто 6422 (914) иде Игорь на Деревляны и побѣдивъ а и возложи на нихъ дань болши Олгови. И бѣ у него воевода (во Олга мѣсто) именемъ *Свѣнтелдъ* (вар. *Свинтѣлъ*) и премучи углецы и возложи на нихъ Игорь дань и вдастъ ю *Свѣнтелду*. И не вдашася Игорю единъ градъ именемъ Пересѣчень, и сѣде у него три года и едва взя... Дастьже Игорь и дань Деревьскую *Свѣнтелду*, имаше-же по чрънѣ кунѣ отъ дыма, и рѣша дружина Игореви: «Се далъ еси единому мужу много»... Далѣе въ лѣтописи подъ годомъ 6453 (945) сообщается: «Рѣкоша дружина Игореви: «Отро-

ци *Свѣнълъжи* изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази»... и далѣе повѣствуется о двукратномъ походѣ Игоря въ древлянскую землю за сборомъ дани и, наконецъ, объ убіеніи Игоря. Еще далѣе, уже во времена Святослава, въ лѣтописи упоминается воевода его отца, т. е. Игоря,—*Свѣнальдъ*, тотъ самый, который впослѣдствіи является главнымъ виновникомъ братоубійственной войны между Ярополкомъ кіевскимъ и Олегомъ древлянскимъ. Наши историки признаютъ обыкновенно Свѣнтелда и Свѣнальда за одну и ту-же личность, и, повидимому, это и явствуетъ изъ сопоставленія извѣстія объ отдачѣ древлянской дани *Свѣнтелду* съ намекомъ, дѣлаемымъ Игорю его дружиной, что «отроци *Свѣнълъжи* пріодѣлись», но въ дѣйствительности гораздо легче предположить, что вмѣсто «Свѣньлъжи» слѣдуетъ читать «Свѣнтелжи», и тогда въ виду явнаго и рѣзкаго различія въ транскрипціи, и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, совершенно отдѣльныхъ именъ Свѣнтелда и Свѣнальда,—идея объ отожествленіи этихъ двухъ личностей падаетъ сама собою. Между тѣмъ, нѣкоторое важное указаніе на то, что оба эти имени принадлежали двумъ совершенно отдѣльнымъ воеводамъ, мы имѣ-

емъ и въ другихъ источникахъ—иностранныхъ.

Византійскій историкъ Левъ Дьяконъ, оставившій намъ подробное описаніе всего хода гомерической борьбы грековъ со Святославомъ въ Болгаріи, упоминаетъ, кромѣ русскаго князя, о двухъ главныхъ военачальникахъ русовъ и называетъ ихъ Икморомъ и *Сфенкаломъ*. Этотъ послѣдній, между прочимъ, по описанію историка, командовалъ русами въ битвѣ при Переславцѣ, пробился съ остатками своего отряда сквозь строй враговъ и соединился со своимъ княземъ въ Доростолѣ, но тутъ въ послѣднемъ сраженіи съ греками былъ убитъ. Карамзинъ, недоумѣвая, насколько личность этого военачальника можетъ быть признана историческою, въ прим. 470 къ 1-й части своей исторіи говоритъ:

«Вѣроятно, что подъ симъ именемъ греческіе историки называютъ воеводу Свѣнальда, который, однакоже, возвратился живъ и здоровъ въ Россію».

Между тѣмъ, предположить, что Левъ Дьяконъ, сообщая о смерти Сфенкала, ошибся,—очень трудно, такъ какъ весь разсказъ его изобилуетъ массою подробностей даже второстепенныхъ, и такъ какъ извѣстно, что онъ былъ не только современникъ, но и очевидецъ

многихъ событій этой войны, то не довѣрять ему нѣтъ никакого основанія. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе извѣстіе Льва Дьякона о существованіи и о смерти воеводы Сфенкала— весьма схожаго по имени съ лѣтописнымъ Свѣнтелдомъ или Свинтѣломъ, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что онъ ничего общаго съ личностью другого русскаго воеводы Свѣнальда не имѣетъ.

Но, какъ-бы то ни было, если даже предположить, что греческое «*Сфенкалъ*» есть искаженное «Свѣнальдъ», во всякомъ случаѣ сходство этого перваго имени съ названіемъ вождя русовъ у Низами— Кинталомъ или *Квинталомъ* довольно значительное, а потому, принимая во вниманіе одну и ту-же эпоху дѣйствій, а также и характеръ, и сходственную роль обѣихъ личностей въ однородныхъ, отличныхъ лишь по театру дѣйствій событіяхъ, можно безъ особой натяжки предположить, что войсками русовъ, взявшихъ въ 944 году городъ Бердаа, командовалъ тотъ-же воевода, который былъ извѣстенъ и грекамъ подъ именемъ Сфенкала, а изъ этого вытекаетъ, что нашествіе на прикаспійскія страны было дѣломъ русовъ, подвластныхъ Игорю, т. е., слѣдовательно, носило характеръ не разбойническаго набѣга какой-либо

ватаги хищниковъ, а правильнаго военнаго похода хотя и отдаленной, но сильной державы кіевской Руси. Понятно при этомъ участіе въ походѣ и другихъ народностей, жившихъ по пути слѣдованія русовъ изъ Кіева къ Каспію: ису (вѣроятно, лѣтописныхъ яссовъ), алланъ (племенъ Сѣвернаго Кавказа—коссоговъ лѣтописи), хазаръ и, наконецъ, буртасовъ (приволжскихъ башкиръ или мордвы). Но эти всѣ народы были лишь только союзниками русовъ, главное-же ядро войска составляли русы Игоря, какъ это и замѣчено Низами. Этимъ-же, вѣроятно, объясняется, почему, описывая этотъ походъ, упоминаетъ объ однихъ только русахъ и обстоятельный Ибнъ-Эль-Атиръ.

Что касается именъ другихъ, второстепенныхъ бойцовъ русскихъ, то въ поэмѣ неизвѣстнаго автора 15-го вѣка они носятъ всѣ безъ исключенія характеръ совершенно восточный; у Низами-же двое изъ нихъ: Гупалъ и въ особенности Туртоусъ—по звуку напоминаютъ собою имена или прозвища славяно-русскія. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, за подлинныя историческія эти имена признать нельзя, такъ какъ весьма вѣроятно, что поэтъ могъ воспользоваться и первыми попавшимися ему современными именами русовъ, придавъ ихъ

своимъ героямъ лишь ради сохраненія вѣрнаго колорита картины. Можно предположить также, что и народъ въ своихъ преданіяхъ о памятномъ событіи, изъ коихъ поэтъ черпалъ матеріалъ для своей поэмы, самъ могъ переиначить и исказить подлинныя историческія имена чужестранныхъ богатырей, сохранивъ инстинктивно лишь ихъ общій славяно-русскій звуковой характеръ.

—

Далѣе въ поэмѣ перечисляется добыча, захваченная войсками Александра въ лагерѣ русовъ.

«Видны были также набросанныя другъ на друга *одѣянія изъ льна*, *цѣною каждое въ золотую монету* (мискаль), *которыя всѣ были тканы у русовъ*: эти груды вышиною равнялись знаменитой горѣ Кафъ. (Кавказу). Разосланы бы также *матеріи*, *тканыя золотомъ*, еще не сшитыя, и *щиты*, блестящіе какъ свѣтила; *покрывала изъ расшитыхъ шелками тканей* въ такомъ количествѣ, что не уступали любому рынку; цѣлыя кипы *бобровыхъ шкуръ*; безчисленное количество *черныхъ соболей*; тюки *горностаевъ*, число каковыхъ было такъ велико, что трудно было даже его опредѣлить; *шкуры бѣлокъ*, отличавшіяся своимъ прекрас-

нымъ отливомъ, и *мѣха лисицъ*, имѣвшіе оттѣнокъ рубина; *молодые скакуны*, ноги которыхъ еще не знали желѣза; *рысьи шкуры* цвѣта столь блестящаго, что ихъ видно было даже впотьмахъ. Кромѣ того, масса драгоцѣнностей, которыхъ разумъ не въ силахъ исчислить».

Въ этомъ мѣстѣ при перечисленіи добычи, захваченной у русовъ, поэтъ, очевидно, руководствовался не исторической правдой, а своими личными соображеніями. Замѣтно это ясно, между прочимъ, изъ того, что онъ сообщаетъ о громадномъ количествѣ всякаго рода мѣховъ, найденныхъ, будто-бы, въ лагерѣ русовъ,—явленіи совершенно несообразномъ, если принять во вниманіе исключительно военную цѣль похода, предпринятаго притомъ въ теплыя страны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ то-же упоминаніе о мѣхахъ, главномъ вывозномъ товарѣ русовъ, которымъ они славились во всѣ вѣка, доказываетъ, что авторъ, очевидно, перечисляя добычу, дѣйствовалъ не наобумъ, а старался придать ей извѣстный колоритъ, подходящій къ народу, о которомъ онъ ведетъ рѣчь, а потому съ большой вѣроятностью можно предположить, что и другіе перечисленные виды добычи вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ предме-

тамъ, которые составляли необходимый атрибутъ русовъ и главнымъ образомъ представляли изъ себя тѣ типичные роды товаровъ, которые они преимущественно сбывали на Востокѣ. При разсмотрѣніи происхожденія этихъ предметовъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: шитыя покрывала, шелковыя златотканыя матеріи и кони, вѣроятно, были происхожденія нерусскаго, такъ какъ по историческимъ источникамъ русы сами покупали эти товары въ другихъ странахъ: дорогія матеріи подъ названіемъ «паволокъ»—у грековъ, а коней—у южныхъ степныхъ кочевниковъ, но это обстоятельство тѣмъ не менѣе не исключаетъ возможности, что русскіе купцы занимались торговлей и этими предметами, покупая ихъ въ одной странѣ и продавая въ другой, тѣмъ болѣе, что такая роль посредниковъ присуща вообще была издревле рускимъ торговцамъ въ силу географическаго положенія ихъ страны при всѣхъ торговыхъ сношеніяхъ Востока съ западной Европой—вплоть до самаго татарскаго нашествія.

Что касается другихъ предметовъ, перечисляемыхъ поэтомъ, какъ-то мѣховъ и льняныхъ одеждъ, то они, очевидно, были происхожденія русскаго. О мѣхахъ, какъ о главномъ русскомъ то-

варѣ, сообщаютъ положительно всѣ источники, касающіеся хотя-бы словомъ древней русской торговли; о матеріяхъ-же изъ льна, т. е. о полотнахъ и холстахъ, какъ о вывозномъ товарѣ, древніе источники до XIV вѣка не упоминаютъ, а потому свѣдѣніе Низами является для насъ особенно драгоцѣннымъ. Очень важно въ этомъ случаѣ удостовѣреніе поэта, что всѣ эти одежды *тканы у русовъ*, а также обозначеніе стоимости каждой изъ нихъ *въ золотую монету*, подтверждающее еще болѣе, что тутъ рѣчь идетъ именно о товарѣ, имѣющемъ свою ходячую рыночную цѣну, а слѣдовательно, и постоянный, опредѣленный сбытъ. О древнемъ производствѣ на Руси холста и полотенъ мы имѣемъ много свѣдѣній изъ источниковъ со временъ Олега. Что-же касается вывоза ихъ за границу, то таковой только предполагался, но ничѣмъ констатированъ не былъ. Первое сообщеніе о немъ мы почерпываемъ лишь изъ путешествія въ 14-мъ вѣкѣ араба Шегабъ-Эддина, повѣствующаго, что *льняныя одежды*, доставляемыя *изъ земли русской*, были въ его время въ большомъ ходу и почетѣ въ индійскомъ городѣ Дели. Слѣдующее извѣстіе по тому же предмету уже относится къ началу

15-го вѣка, а именно испанскій путешественникъ Руи-Ганзалесъ-де Клавихо говоритъ, что русскіе и татары привозятъ кожи, мѣха и *льняныя ткани* въ Самаркандъ. Такимъ образомъ, извѣстіе Низами, если ему придавать то объясненіе, которое изъ логическаго разсмотрѣнія его вытекаетъ, является по выясненію вопроса о предметахъ русской вывозной торговли на Востокѣ—наиболѣе древнимъ.

—

Далѣе въ поэмѣ сообщается: «Онъ (Александръ) увидѣлъ вдругъ одинъ мѣхъ, котораго нельзя было себѣ и представить. Онъ былъ составленъ изъ головокъ бѣлокъ, перемѣшанныхъ съ мордами соболей, и былъ настолько ветхъ, что потерялъ всѣ шерстинки, которыя его покрывали, а между тѣмъ онъ былъ вывѣшенъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Властитель, разсматривая различныя мѣха, не могъ отдать себѣ отчета въ значеніи этого послѣдняго; онъ спросилъ: для какого рода украшенія могутъ служить эти ветхія шкуры, и одинъ русъ почтительно отвѣтилъ ему: «Этотъ мѣхъ служитъ намъ средствомъ для пріобрѣтенія всевозможныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ, и потому не взирай на него съ пренебреженіемъ, несмотря на то, что онъ вылинялъ, такъ-

какъ онъ-то въ дѣйствительности и есть мозгъ костей нашихъ странъ. На мой взглядъ эта шкура, которая кажется тебѣ такой противной, драгоцѣннѣе всѣхъ меховъ самыхъ нѣжныхъ. Можно при помощи этой кожи, совершенно лишенной волосъ, пріобрѣсть всевозможные мѣха, которые только находятся у насъ на родинѣ. Если количество серебра, изъ котораго состоитъ всякая монета, подвержено во всѣхъ странахъ колебаніямъ, подобнымъ колебаніямъ фортуны, то *мы* съ нашей стороны *не имѣемъ никакихъ иныхъ денегъ, какъ эти шкуры*, которыя не теряютъ ни волоска своей стоимости».

Властитель былъ проникнутъ уваженіемъ къ идеѣ боязни и подчиненія этого народа, который былъ рабомъ повелѣній своихъ князей. Онъ сказалъ мудрецу, его сопровождавшему: «Во власти исполнительной заключается сила монарховъ. Восхищайся уваженіемъ, которое могла внушить эта власть, такъ какъ она достигла того, что заставляетъ предпочитать подобную шкуру самому золоту. Вотъ что я видѣлъ самаго мудраго въ этихъ странахъ, и этотъ обычай заслуживаетъ мое одобреніе. Если-бъ этотъ народъ не былъ одаренъ такимъ характеромъ, ни одинъ-бы изъ

отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, не согласился-бы носить поясъ повиновенія, подчиняя себя повелѣніямъ другого. Никто изъ нихъ не получилъ отъ неба добродѣтелей дѣйствительно царскихъ; властители ихъ царствуютъ, слѣдовательно, только вслѣдствіе этого отличительнаго свойства своихъ подданныхъ».

—

Въ этомъ отрывкѣ весьма характеренъ эпизодъ съ негоднымъ, сшитымъ изъ отдѣльныхъ кусковъ, мѣхомъ, возбудившимъ удивленіе Александра. Въ разсужденіяхъ по этому поводу руса, дающаго объясненіе побѣдителю, и самого Александра, конечно, ясно выражается то мнѣніе о русскихъ кожаныхъ деньгахъ, которое составилъ себѣ самъ авторъ поэмы, а на ряду съ нимъ, вѣроятно, и многіе изъ его соотечественниковъ. Мнѣніе это весьма важно, такъ какъ, повидимому, поэтъ интересовался вопросомъ, а потому, быть можетъ, и выяснилъ себѣ его сущность совершенно вѣрно, а въ такомъ случаѣ оно можетъ служить источникомъ для пополненія и нашихъ свѣдѣній по данному вопросу, почерпнутыхъ изъ иныхъ источниковъ. Вначалѣ, какъ намъ извѣстно, русы металлическихъ денегъ не имѣли. Тѣ куски серебра, которые

были извѣстны въ древности подъ названіемъ *гривенъ*, появились сравнительно поздно, не ранѣе 10-го вѣка, а *обрубки* ихъ—*рубли*—еще позднѣе. Древнимъ русскимъ денежнымъ знакомъ была звѣриная шкура, бѣличья или кунья (отсюда *кунъ*—деньги), совершенно удовлетворявшая потребностямъ народа, даже и много лѣтъ спустя послѣ появленія металлическихъ гривенъ, въ его быту внутреннемъ. Цѣнность шкуры, конечно, должна была вначалѣ соотвѣтствовать ея дѣйствительной пригодности, какъ товара, къ полезному для каждаго употребленію, но съ теченіемъ времени мало-по-малу, благодаря развитію понятія объ извѣстномъ мѣхѣ, какъ объ обыденномъ, общепринятомъ предметѣ мѣны, отклониться нѣсколько отъ этой утилитарной въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оцѣнки и установиться въ видѣ опредѣленной практикой и обычаемъ извѣстной нормы, при чемъ самъ мѣхъ пріобрѣлъ такимъ образомъ свойства уже не товара, а денежнаго знака. Именно на такую-то условную цѣнность и намекаетъ поэтъ, описывая мѣхъ, вылѣзшій и къ употребленію непригодный, но тѣмъ не менѣе дорогой, своей стоимости не потерявшій. Объясняетъ себѣ авторъ это удивительное явленіе

тѣмъ разсужденіемъ, которое онъ влагаетъ въ уста Александра, а именно безусловной покорностью русовъ всѣмъ повелѣніямъ своихъ князей, т. е. свидѣтельствуетъ такимъ образомъ о томъ, что опредѣленная цѣнность шкуръ, какъ денежныхъ знаковъ, установлялась властью русскихъ князей. Въ этомъ свидѣтельствѣ автора 12-го вѣка, лично вникавшаго въ суть современнаго ему и интересовавшаго его вопроса, конечно, должна заключаться извѣстная доля правды. И дѣйствительно, если разсматривать вопросъ теоретически, то опредѣленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣйствительная, а лишь условная, или, такъ сказать, ассигнаціонная стоимость шкуры могла установиться на практикѣ не иначе, какъ при условіи санкціонированія и постоянной поддержки ея со стороны правительственной власти. Безъ этого условія, конечно, никакой родъ товара, цѣна на который способна была подвергаться хотя-бы малѣйшимъ колебаніямъ, твердаго и устойчиваго характера денежнаго знака никогда-бы пріобрѣсти не могъ.

—

Въ заключеніе поэтъ описываетъ въ самыхъ яркихъ краскахъ черты державнаго великодушія, присущія славному герою Искандеру. Онъ велитъ снять

оковы съ захваченныхъ имъ въ плѣнъ русскихъ военачальниковъ, облекаетъ ихъ въ богатыя одежды и ласковымъ обращеніемъ склоняетъ къ себѣ ихъ сердца. Освобожденную имъ царицу Нушабе онъ выдаетъ замужъ за Дзували и, осыпавъ молодыхъ драгоцѣнными подарками, отпускаетъ ихъ на родину въ славный городъ Бердаа.

Этими событіями и заканчивается тотъ эпизодъ поэмы, въ которомъ упоминается о русахъ.

